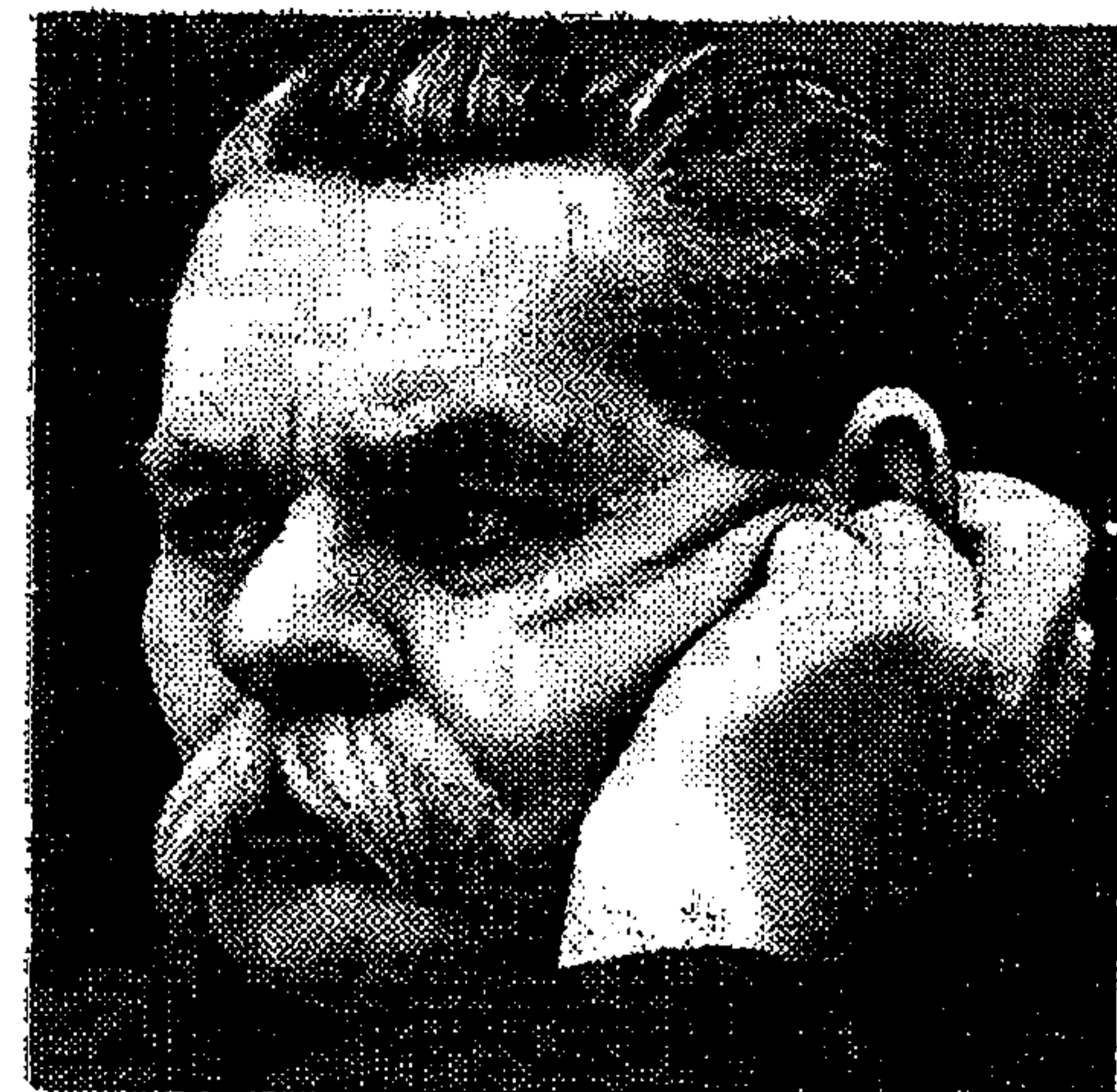

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Литературно-критический и
общественно-политический
журнал
Союза писателей СССР
и ЦК ВЛКСМ

Основан
А. М. Горьким
в 1930 году

Выходит шесть раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Д. ШЕЛЕХОВ. Путешествие по русским проселочным дорогам	3
М. ПЕТРОВ. Одиссея полковника Шелехова	12

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Дебюты и разборы

А. БОГАТЫХ. Стихи	19
М. ПРОРОКОВ. Между знанием и догадкой	24

Вторая встреча

И. ТАРАСЕВИЧ. Мы должны говорить друг с другом. Маленькая повесть	26
В. ПЬЕЦУХ. Это как будто ново	41
Ю. ПОЛЯКОВ. В преодолении моноприема	42

ВЕРНИСАЖ «ЛУ»

Н. КОРНЕЕВА. Изограф Оружейной палаты	44
В. АРТЕМОВ. Знак духовного возрождения	48

ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Беседы

«Кмен» — ветвь дерева	50
---------------------------------	----

Слово — молодым, слово — о молодых

А. МАРЧЕНКО. «Уши дэвов»	54
В. КУРБАТОВ. В осколке зеркала	61
Н. ШИПИЛОВ. Тоска по стилю	65
Конкурс одного стихотворения	69

К. ИСТОКАМ

Наши публикации

В. РОЗАНОВ. Письма 1917—1919 годов. Вступительная статья Евг. Ивановой. Публикация и примечания Т. Померанской .	70
---	----

Книги Нового Завета

А. КОЗАРЖЕВСКИЙ. О Новом Завете	89
К. ЛОГАЧЕВ. Русская Библия вчера, сегодня и завтра	91
Евангелие Матфея. Перевод о. Леонида (Лутновского) .	97

Главный редактор
Владимир МАЛЮТИН

Редакционная коллегия:
Владимир ГУСЕВ,
Иван ДРАЧ,

Алексей ИВАНОВ —
редактор отдела
по работе с молодыми
авторами,
Виолетта КАШИРСКАЯ —
заместитель главного
редактора,

Люциан КЛИМОВИЧ,

Владимир КОСТРОВ,
Владимир ЛИЧУТИН,
Николай МАШОВЕЦ,
Александр МИХАЙЛОВ,
Евгений СИДОРОВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СЛАВЕЦКИЙ —
редактор отдела
советской литературы,
Игорь СОБОЛЕВ —
ответственный секретарь,
Андрей ТУРКОВ,
Дмитрий УРНОВ,
Владимир ЭТОВ —
редактор отдела
теоретических проблем

НАШИ

ПУБЛИКАЦИИ

В. В. РОЗАНОВ

ПИСЬМА 1917—1919 ГОДОВ

Евг. ИВАНОВА

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ И КОНЧИНЕ В. В. РОЗАНОВА

Сохрани, читатель, своего писателя, что-то завершающее мне брезжится в последних днях моей жизни...

(В. Розанов)

Общественно-литературная жизнь первых послереволюционных лет протекала в условиях уникальных. Рухнул традиционный для писательских кругов уклад жизни, исчезли все привычные формы литературного заработка, иными стали сами условия существования литераторов. На фоне начавшейся разрухи и голода на некоторое время ушли на задний план разногласия, ломались перегородки, казавшиеся еще недавно незбылемыми. Дело было не только в материальных лишениях, заставлявших объединяться для решения хозяйственных задач. В новых условиях писатели, несмотря на все разногласия в мировоззрении, ощутили себя связанными с определенной традицией, которая равно питала всех и над которой нависла угроза уничтожения. У этой традиции появилась альтернатива в виде «нового искусства», связанного с Пролеткультом и рядом футуристических группировок. «Новые» потихоньку прибирали к рукам руководящие посты в сфере культуры, взирая на «бывших» с чувством нескрываемого презрения. Это начинавшееся торжество победителей заставляло забывать распри и объединяться на страницах изданий, подобных журналу «Вестник литературы», газете «Жизнь искусства» и т. п.

Несмотря на материальное оскудение и всеобщее ожесточение, в духовном климате первых лет революции явственно проступают черты скорее возрождения, чем упадка. «Начало революции — 1917—1919 — было временем удивительного подъема, духовной легкости, — вспоминал Сергей Фудель, сын о. Иосифа Фуделя. — Душа тогда стояла у открывшихся врат новой, великой церковной эпохи, и страшась, и как бы уже изнемогая у ясно видимых туч, она в то же самое время вдруг задышала воздухом небывалой духовной свободы. Что-то в истории церкви возвращалось к первоистинной чистоте и простоте, освобождаясь от вековых пут, от тяжелых риз обмирщения, внешности и лицемерия. С «Троицы» Рублева сняли тогда Годуновскую ризу. Сердце человеческое вновь обретало счастье своей забытой «первой любви». Над церковью всходила заря жертвенности. Было тогда нам, молодым, и страшно, и радостно»¹. В русской культуре, прежде всего в той ее части, которая была связана с религиозными исканиями, зарождается и переживает расцвет явление, несопоставимое, возможно, по влиянию на самую эпоху с Пролеткультами или «Октябрем

в искусстве», но по вневременному значению относящееся к вершинам русской культуры — московский религиозный ренессанс, связанный прежде всего с именами о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, М. А. Новоселова, Николая Бердяева и др. Организационно деятели этого движения принадлежали к двум московским объединениям — Обществу ищущих христианского просвещения, ведущая роль в котором принадлежала М. А. Новоселову (по его имени Общество часто называют новоселовским кружком), Ф. Д. Самарину, П. Б. Мансурову, В. А. Кожевникову, Г. Н. Трубецкому, Ф. К. Андрееву и протоиерею Иосифу Фуделю, а также Московскому религиозно-философскому обществу памяти Вл. Соловьева, имевшему собственное издательство «Путь», идейный центр которого составляли Е. Н. Трубецкой, Г. А. Рачинский, С. Н. Булгаков, А. В. Ельчанинов, М. К. Морозов, Вяч. Иванов, Б. П. Вышеславцев, В. Ф. Эрн. В деятельности этих объединений активное участие принимал о. Павел Флоренский, который одновременно «явился связующим звеном между Московской Духовной Академией и московской интеллигенцией славянофильского направления»². В духовных творениях мыслителей этого круга, а также в деятельности их учеников и последователей защита гуманистических и христианских ценностей достигает небывалой тонкости и глубины.

Многие существенные особенности духовной жизни тех лет нашли свое отражение в обстоятельствах кончины Василия Васильевича Розанова, последовавшей 5 февраля (23 января) 1919 года в Сергиевом Посаде, куда он перебирается во время революции.

Розанов с семьей уехал из Петербурга осенью 1917 года; ближайшей видимой причиной переезда были тревожные военные вести, симптомы приближающегося неблагополучия, явственно обозначившиеся в жизни тех лет. «Бегство Розанова в Сергиев Посад,— вспоминал Э. Ф. Голлербах,— многие объясняли малодушным желанием «скрыться с горизонта». Отчасти это верно. Василий Васильевич пережил состояние отчаянной паники. «Время такое, что надо скорей складывать чемоданы и — куда глаза глядят», — говорил он. Но он вовсе не был трусом. В московской газете «Вертоград» он помещал статьи довольно рискованные и в своем «Апокалипсисе» обнаружил немалое бесстрашие. Осенью 1918 г., бродя по Москве с С. Н. Дурылиным, он громко говорил, обращаясь ко всем встречным: «Покажите мне какого-нибудь настоящего большевика, очень интересно». Придя в Московский Совдеп, он заявил: «Покажите мне главу большевиков — Ленина или Троцкого. Ужасно интересуюсь. Я — монархист Розанов». С. Н. Дурылин, смущенный его неосторожной откровенностью, упрашивал его замолчать, но тщетно»³.

В переезде Розанова в Москву нельзя не видеть и явно символического смысла: очень многими мыслителями одного с Розановым

круга идей Октябрьская революция осознавалась именно как конец петербургского периода русской истории, отчего возникало ощущение, что центр духовной жизни перемещается в Москву. Сюда же, в непосредственную близость к о. Павлу Флоренскому («это теперь умнейший человек в России», — писал он летом 1918 года Э. Ф. Голлербаху)⁴, к сплотившейся вокруг о. Павла религиозно настроенной молодежи и потянулся Розанов в поисках опоры и устойчивости.

Драгоценные штрихи, характеризующие период сживания Розанова с москвичами, сохранились в воспоминаниях Сергея Фуделя: «С этими годами связаны для меня воспоминания о многих людях... Тогда в Москву (на жительство в Загорск) переехал из Петрограда В. В. Розанов, и С. Н. Дурылин возил его по Москве с визитами к разным почтенным лицам (вроде основателя 2-го Московского университета Вл. Герье). Розанов был маленький старичок с зорким взглядом, весь в облаках табачного дыма и какого-то особого «самозатвора» в этих облаках, за которыми целая эпоха русской интеллигенции. В этой эпохе и настоящий ум, и пустая болтовня, и искренность о людях, и занятость только собой, и отрицание атеистического тупика, и нежелание настоящего подвига веры. В общем, «середка на половинку» маловерия, и «вы, конечно, правы («насквозь прокурена душа»), но оставьте меня в покое с моими гениальными мыслями»⁵. Но в этой среде Розанову суждено было прожить очень недолго: почва уходила у него из-под ног, и он явно не выдерживал испытания бытом.

О том, как протекала жизнь семьи на новом месте, вспоминала дочь Надежда: «В 1917 году семья В. В. Розанова переехала из СПб. в Серг<иев> Посад. Семья поселилась на Красюковке, ул. Полевая, в доме-даче священника Беляева. Дом был большой, двухэтажный, верх деревянный, низ — каменный — сырой и неуютный; дом требовал много дров и работы: 5 печей-голландок, белые деревянные полы. Дом был не по силам и не по нашим средствам тогдашним, а затруднение в переезде на другую квартиру состояло в том, что большая библиотека В. В. Розанова и громоздкая мебель не умещались в утлых маленьких домишках Посада <...> Надо было как-то перестроить весь обиход жизни на новый лад, а как все это сделать, мы не знали и не умели найтись в новых обстоятельствах жизни»⁶.

В это время Розанов создает последнее из опубликованных им произведений — «Апокалипсис нашего времени» (Сергиев Посад, 1917—1918), выходившее отдельными выпусками (всего издано 10 выпусков), имевшими единую пагинацию. Это произведение отражает умонастроения Розанова: в происходящих событиях писатель прозревает признаки надвигающегося конца истории. «Розанову казалось,— писал об этой книге Голлербах,— что мы медленно, но верно умираем, уходим в ночь, в небытие, в могилу и притом — «как фанфароны», «как актеры», без креста и мо-

литвы. Умираем же мы от единственной причины — от неуважения себя, от нигилизма. <...> От былого христианства, по мнению Розанова, образовались колоссальные пустоты, в которые проваливаются все: троны, классы, сословия, труд, богатство. Все это проваливается в пустоту души, лишившейся древнего содержания»⁷.

Однако это издание Розанова в условиях, когда отсутствовали налаженные связи, плохо работала почта, а расходы, связанные с пересылкой, были слишком высоки, не сразу дошло до читателей. Большое количество выпусков оставалось на квартире, у писателя, и лишь после его смерти дочь рассылала их друзьям и знакомым. Тогда и получила книга читательский резонанс, приобретая в глазах многих пророческий смысл.

Письмо П. А. Флоренского М. А. Лутохину от 5—6 сентября 1918 года одно из первых, по которому мы можем судить о реакции современников на книгу (выражаю благодарность хранителям семейного архива Флоренских игумену Андронику и П. В. Флоренскому за предоставленную возможность опубликовать отрывок из него).

Письма самого Розанова, составляющие основную часть предлагаемой публикации, отражают ту атмосферу, в которой протекал последний период жизни писателя. Катастрофа надвигалась постепенно. В первом из писем, обращенном к поэту Борису Садовскому, отражено чувство растерянности, охватившее Розанова сразу после переезда в Сергиев Посад, но все же, судя по его содержанию, писатель надеялся справиться с бытовыми трудностями.

Материальное положение все время ухудшалось, и уже в 1918 году семья впадает практически в нищету. Вернувшись в октябре в Сергиев Посад, Надежда Розанова писала в дневнике: «Господи, что за ужас, что за кошмар, тьма? О, Господи! Нищета. Я вошла. Выбежала Варя, расстроенная, радостно приветствует меня, мама вошла тихо... поцеловала. Из глубины кабинета вышел папа с расстроенным лицом, и с глазами широко, бессмысленно сосредоточенными куда-то вдаль...»⁸

С весны 1918 года начинает восстанавливаться переписка Розанова с петербуржцами. Одно из первых писем, относящихся к маю 1918 года, Розанов пишет Э. Голлербаху, своему биографу и другу. Возобновляет он и переписку с П. П. Перцовым, многолетняя дружба с которым незадолго до этого была прервана ссорой, о которой упоминается в первом, как назвал его Розанов, «любящем» письме. Письмо вносит в многолетнюю переписку новую ноту: оно написано как бы в предчувствии разлуки. Именно поэтому такое большое место в нем занимают философские размышления.

В это время до Петербурга начали доходить сведения о бедствиях Розанова, но на первых порах реакция была довольно равнодушной. О причинах этого равнодушия писала Гиппиус: «Окурки собирает... Болен...

Странный стал... Жена почти не встает... И Вася, сын, умер... Не удивляло. Ничто, прежде ужасное, не удивляло: теперь казалось естественным. У всех, кажется, все умерли; все, кажется, подбирают окурки... Удивляло, что кто-то не арестован, кто-то жив. Мысли и ощущения тогда сплетались вместе. Такое странное, непередаваемое время»⁹.

Между тем положение Розанова было отчаянным: жена после тяжелого заболевания была почти инвалидом, дочери не имели никаких практических навыков, которые помогали бы добывать средства к существованию, а сын Вася умер от воспаления легких. Сам Розанов и подавно был лишен каких-либо способностей в практической сфере. К тому же, оказавшись далеко от столицы, он лишился и той точки опоры, которой в эти годы стали разного рода писательские объединения, Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ) и т. п. организации, многим помогавшие выжить в тех условиях. На фоне всех этих невзгод и лишений состояние здоровья писателя постепенно ухудшается, и в ноябре 1918 года у него случается инсульт. При полном отсутствии лекарств, при более чем скудном питании, недостатке дров положение Розанова было безнадежным, несмотря на то, что жена и дети прилагали героические усилия для его спасения.

Благодаря вмешательству критика А. А. Измайлова, обратившегося через академика Н. А. Котляревского в Постоянную Комиссию пособий нуждающимся литераторам при Академии наук¹⁰, удалось выхлопотать небольшое пособие в 100 рублей, о котором речь идет в публикуемых ниже письмах Розанова к Котляревскому. Еще более существенной оказалась помощь, полученная от М. Горького, который, узнав о тяжелом положении Розанова, выслал ему 4000 рублей¹¹. З. Гиппиус в своих воспоминаниях связывала помощь Горького со своим обращением к нему, отрывок из которого мы приводим ниже, Розанов же приписывал эту заслугу хлопотам М. О. Гершензона и А. Н. Бенуа.

В конце ноября 1918 года в петербургских кругах распространяется слух о расстреле Розанова, который отметил в записной книжке Блок: «Вл. Гиппиус принес известие, что кроме А. Столыпина и т. п. расстрелян В. В. Розанов (за брошюру о Николае II?). Сын его (Вася) умер (где-то в Нижнем), куда ушел чернорабочим, а дочь (Вера) — в монастыре»¹². Этот слух нашел отражение и в письме З. Н. Гиппиус Горькому от 11 ноября 1918 года. «Совершенно также уверена, — писала Гиппиус, — что слух о расстреле В. В. Розанова должен был произвести на вас тягостное впечатление: никакой революции никакой страны не может принести чести отнятие жизни у своих талантливых писателей, да еще стариков, отошедших от всякого рода деятельности. Как бы мы не относились к человеку-Розанову и его «убеждениям» (а, я думаю, мы тут приблизительно совпадаем) — вы не будете отрицать, что он был замечательный, своеобразный русский талант»¹³. Но слух оказался ошибочным.

21 января 1919 года Блок получил более достоверные известия о Розанове, записав: «Розанов жив, Горький послал ему 2000 рублей»¹⁴. К этому периоду — концу 1918 — началу 1919 года — относится серия прощальных писем Розанова, в которых писатель последний раз обращается к своим вчерашним собратьям по перу, и которые звучат как его духовное завещание.

Об обстоятельствах, в которых они были написаны, вспоминала дочь Надежда: «Ему хотелось друзей, он хотел быть окруженным ими. Тосковал, что не приходят, и боялся, когда уходят... В эти дни он диктовал мне свои мысли, ощущения, письма к друзьям, я предложила ему, он же был очень рад, когда я записывала с его слов. Не знаю, как выразиться иначе, но что-то вдруг большое произошло в нем, точно он вдруг вступил в какую-то новую плоскость, в новую сферу ощущений, .. все формы «бытия» изменились, точно уже краем своего бытия он коснулся иных миров. Его ничего не могло успокоить. Он кричал, плакал, о чем-то все просил, просил объяснить его странное состояние. «Я сам не знаю, что со мной происходит, не могу понять. У меня все удваивается, все ощущения принимают учетверяющую форму...» Он просил позвать Флоренского. Он ждал от него объяснений своего состояния, хотел натолкнуть его, чтобы о. Павел открыл бы ему. Он все твердил, что везде, на всех видит знак креста, и крестил всех окружающих. Во время болезни о. Павел очень редко заходил, объяснял это своей занятостью, но причина была не в этом. Холодный, кристальный, везде всегда любящий форму, — он инстинктивно боялся, трепетал перед обнаженностью человеческого страдания. Он испытывал мистический страх (так, на похороны Веры он пришел с огромным для себя принуждением и страхом). Отцу же он был необходим, он страстно ждал его... «О. Павел — таинственный, загадочный и пленительный», — говорил В. В. Розанов последнее время <..>. «Вы сами не понимаете, говорил отец окружающим, что такое происходит в мире. Образ мира меняется, происходит так сказать перемещение плоскостей». Во время всей болезни он поражал страшной напряженностью мысли, ясностью ее; до последнего почти часа она не покидала его. Начался 3-й период, период глубокой, тихой, углубленной радости. Он был весь счастлив, отчего вокруг меня так светло, скажите, объясните. Обнимитесь все, все... Он просил прощения у всех, диктовал письма к друзьям, и после весь тихий и радостный, слабым голосом обратился к маме: «Мама, поцелуемся во имя Воскресшего Христа! — Вернемся снова к Церкви, будем жить по-церковному, православному». Как-то С. Н. Дурылин был у папы... В тот день ему было очень плохо. Он едва продиктовал письмо к друзьям, литераторам, евреям... Я спросила его: «Папочка, ты ничего не боишься?» — «Нет, я знаю, что я умру, но я ничего не боюсь...» «Мы нищие, нищие, и как хорошо, что мы нищие!» «Со мною толь-

ко Бог!» Он как бы переходил при жизни еще в иной мир, в мир высшей реальности»¹⁵.

Последние обращения Розанова записаны рукой дочери Надежды под его диктовку и в копиях отправлены адресатам. Основной мотив этих писем — покаяние, покаяние перед друзьями, соратниками по литературе, просто знакомыми, благодарность всем, кто пришел на помощь в трудную минуту. Из уст Розанова раздаётся призыв забыть все то, что разделяло их в прошлой жизни и в переживаемый великий час испытаний оставить литературные распри. З. Н. Гиппиус, которая в момент, когда писала мемуары, не имела этих писем под руками, так передавала свое общее впечатление от их чтения: «Сознавал ли, что умирает?» — «Очень мне плохо: склероз в сильнейшей степени...» Потом вдруг шутил и говорил, что долго еще нужно лежать, шесть месяцев, что поправление идет медленно. И тут же об этом страшном «ледяном озере», куда он постепенно опускается, так, что ноги — уже там, и уже как бы не его, и с ног холодная, ледяная вода все подымается выше... Но — как передать? ни в одной, самой страшной строке, — не было «нытья», и даже почти жалобы не было, а детская разве жалостность»¹⁶. Действительно, интонация этих писем совсем не та, какой она была до середины 1918 года, когда писатель питал надежды выпутаться из бытовых проблем, то обращаясь со страниц «Апокалипсиса» «к читателю, который друг», то высккивая, к кому бы пойти в крепость. Тон самых последних писем скорее напоминает прощание с миром. Однако эта новая интонация не столько открывает неизвестные грани творчества Розанова-писателя, сколько показывает, насколько он оставался верен себе до последнего смертного часа.

В одной из статей о своем творчестве, опубликованной в альманахе «Очарованный странник», Розанов обратил внимание на характеристику, которая показалась ему очень точной и отвечающей его внутренним устремлениям. Эту характеристику он с одобрением процитировал в письме к издателю альманаха Виктору Ховину. Статья, писал Розанов, «...меня донельзя тронула замечательными строками: «Мы хотим знать не о том, что Розанов пишет о мире, а то, что он пишет о себе п <отому> ч <то> от этого только болит душа читателя». Конечно, это и есть мотив, что мне «пришло на ум» написать, вернее — издать, напечатать «Уед <иненное>» и «Оп <авшие> л <истья>...»¹⁷ Об этой своей особенности Розанов и сам писал неоднократно. «Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием», «субъективное развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого» — таких высказываний можно было бы подобрать немало. Именно «выговаривание себя» в каждую минуту, пристальный интерес к себе и своим ощущениям всегда составлял главную особенность его творчества, ярко отражают ее и последние письма Розанова. «Эти письма, писанные дочерью, — вспоминала Гиппиус, — до такой степени сам

Розанов, что странно было видеть чужой почерк. Розанов в расцвете своих душевных сил? Нет, просто он, в том расцвете, в каком был всегда, единственный, неоценимый, неизменяемый. Одно разве: в предпоследние годы его бесчисленные мылеощущения, его «да-нет», с главным, поверх выплывающим ощущением «холода — смерти» были уже так заострены, что куда же дальше? И однако они не обострились, отточились; дошли до колющей тонкости, силы и яркости. Ледяные воды поднимались к сердцу»¹⁸.

Письма Розанова, относящиеся к этому самому последнему периоду жизни, отражают уже изучающий, почти исследовательский интерес к себе, напряженное всматривание в течение своей болезни и стремление понять ее смысл. Верный своему писательскому призванию, он из последних сил стремится и запечатлеть в слове результаты этих наблюдений, поделиться ими со своими корреспондентами, мало заботясь о том, кому конкретно направлено послание: П. П. Перцову, с которым связывала двадцатилетняя дружба, или Котляревскому, с которым не водил даже близкого знакомства. Степень доверительности у всех писем одинаковая, перед Розановым, как и во всем его творчестве «читатель, который друг», ему он неизменно и адресуется, как адресовался в своем обращении, опубликованном на обложке 6—7 выпуска «Апокалипсиса». «К читателю, если он друг.— В этот страшный, потрясающий год, от многих лиц, и знакомых, и вовсе неизвестных мне, я получил, по какой-то догадке сердца, помощь и денежную и съестными продуктами. И не могу скрыть, что без такой помощи я не мог бы, не сумел бы пережить этот год. Мысли и страхи и тоска самоубийства уже мелькали, давили. Увы: писатель — сомнамбула. Лазит по крышам, слушает шорохи в домах: а не поддержи или не удержи его кто-нибудь за ноги, если он проснется от крика действительности ко дню и пробуждению, он сорвется с крыши дома и разобьется насмерть. Литература — великое, само-забвенное счастье, но и великое в личной жизни горе. Черные тени, уголь; но и молодая Эос (заря) эллинов. За помощь — великая благодарность; и слезы не раз увлажнили глаза и душу <.>

Устал. Не могу. 2—3 горсти крупы, пять круто испеченных яиц может часто спасти день мой. Что-то золотое брезжится мне в будущей России. Какой-то в своем роде «апокалипсический переворот» уже в воззрениях исторических не одной России, но и Европы. Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мне брезжится в последних днях моей жизни». Заканчивалось это обращение адресом, по которому мог читатель оказать поддержку своему писателю.

Но то «завершающее», что ощутил Розанов в последних днях своей жизни, сразу почувствовали лишь очень немногие, в первую очередь те, кто получал от него эти последние письма или имел возможность ознакомиться с ними. Кончина Розанова на первых

порах стала источником слухов. Один из них пытался пресечь Э. Ф. Голлербах: «Необходимо только опровергнуть легенду, широко распространившуюся в Москве и Петрограде, будто В. В. после причастия поклонился изображениям Иеговы, Озириса и Астарты. Этого не было. В. В. умер христианином»¹⁹. Существуют и другие версии, одну из которых зафиксировал в своем дневнике 1919 года Сергей Платонович Каблуков²⁰. Но благодаря тому, что в эти дни Розанов был окружен вниманием друзей и близких, последние часы его жизни описаны с полной достоверностью в целом ряде источников, ни один из которых не имеет ничего общего с тем, что распространяли недоброжелатели Розанова. Наиболее подробное описание сохранили записи дочери Надежды: «Последняя ночь. Отец уже едва говорил и был кроток и тих. Слабо стонал. Письмо от Веры из монастыря (тяжелое). Среда в 6 ч. вечера разговор с Варварой Дмитриевной: «Скажи, я умираю?» — да, я тебя провожаю, а ты меня возьми скорее к себе... Священник о. Павел Рождественский.— пришел первым и причащал В. В. Розанова и читал отходную. Ночь была ясная, снежная, холодная, звездная. Пришел о. Павел Флоренский. Он прямо прошел к В. В. и стал читать отходную. В. В. Р. слышал и пытался говорить. Стонать перестал, лежал тихо, раскрыв широко глаза. О. Павел просидел до 11 час. утра. В 12 ч. пришли С. Н. Дурылин и С. В. Олсуфьева. С. В. Олсуфьева положила на голову покров, снятый с изголовья преп. Сергия, и мы все молились, стоя на коленях, а С. В. читала молитвы. Дыхание В. В. Р. становилось слабее, слабее, он улыбался радостно, потом тень прошла по его лицу, и он тихо, незаметно умер. Было 23 янв. (5 февр.), среда 1919 г.»²¹ В приложении к письмам Розанова мы приводим еще два письма, где речь идет также об обстоятельствах смерти Розанова — письмо его жены Варвары Дмитриевны к падчерице Розанова Александре Михайловне Бутягиной и письмо Надежды Розановой П. П. Перцову²². Все известные на сегодняшний день свидетельства полностью совпадают в деталях, касающихся этого драматического момента.

Предсмертные обращения Розанова, имевшие широко хождение в литературных кругах, многих заставили взглянуть на писателя новыми глазами, по-новому ощутить масштабы его личности и таланта. Поклонники и почитатели Розанова, такие, как Э. Ф. Голлербах и Виктор Ховин, писали о последних днях с оттенком благоговения, бережно собирая все мелочи, относящиеся к этой кончине, видя в ней ключ ко всему его творчеству.

Разумеется, далеко не все литераторы относились с таким благоговением к кончине Розанова, вокруг нее происходила своеобразная поляризация: одни, как например, критик Аким Волынский еще больше укреплялись в неприязни его идей, у других же, как у А. Е. Кауфмана, былое предубеждение, наоборот, пошатнулось. Но все же самой яркой и сильной оказалась на этом фоне реакция Мережковских, которых кончина Роза-

нова не просто полностью примирила с ним, не просто заставила по-новому оценить его творчество, но более того — коренным образом пересмотреть свое отношение к нему, раскаяться в затаенной ими войне, приведшей в 1914 году к исключению Розанова из Религиозно-философского общества. Мережковские, и особенно Зинаида Николаевна, редко позволяли себе такие раскаяния. Например, в своих антиблоковских стихах и статьях она не раскаивалась, хотя в конце жизни «простила» Блоку поэму «Двенадцать» ввиду его как бы неполной вменяемости. Воспоминания же о Розанове стали именно покаянием перед его памятью, они написаны с такой теплотой и любовью, с какой она не писала ни о ком из современников. А о самой кампании по исключению Розанова из Религиозно-философских собраний она писала так: «Хочу сознаться, увы, что на мой тогдашний взгляд Розанов был еще слишком «человек»; и предельная безответственность его, как человека, мне была нестерпима. Сколько несправедливых слов было сказано, несправедливых и бесцельных, — и как я о них теперь жалею!»²³

Многие после кончины Розанова взглянули на него новыми глазами. А. Блок, получив от дочери Розанова выпуск «Апокалипсиса нашего времени», внимательно их изучал, о чем свидетельствуют пометы на экземпляре книги из библиотеки Блока²⁴. Имя писателя неоднократно встречается в переписке Горь-

кого, который соглашался с Пришвиным, что Розанова, «как шило в мешке не утаишь»²⁵. После смерти Розанова при Вольной философской ассоциации в Петрограде был создан кружок памяти Розанова, ставивший своей задачей изучение его творческого наследия, участниками которого стали: Э. Голлербах, Е. П. Иванов, В. Ховин, К. Эрберг²⁶. Другой аналогичный кружок был создан при Доме Литераторов, в него входили: А. Белый, А. Волынский, Э. Голлербах, Н. Лернер, В. Ховин²⁷. Появилось сообщение о том, что над подготовкой к печати наследия Розанова работает о. Павел Флоренский²⁸. Но по разным причинам все эти объединения так и не смогли решить задачу, суть которой сформулировала З. Гиппиус: «Важно одно: понять, проследить, определить Розанова, как редчайшее явление, собственным законам подвластное и живущее в среде людской. Понять ценность этого явления, т.е. понять, что оно, такое как есть, может дать нам, или что можем мы от него взять. Но непременно такое, как есть»²⁹. По существу, эта задача нерешенной переходит к нам сегодня. Публикуемые материалы, связанные с последними днями Василия Розанова, доносят до нас тот заключительный аккорд, которым обрывается его земная жизнь и в котором самому писателю брезжилось «что-то завершающее».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О. Сергей Фудель. У стен церкви. Материалы к воспоминаниям. Рукопись. Частное собрание.

² Игумен Андроник. Московский кружок. Публикация из семейного архива Флоренских. — «Литературный Иркутск», 1988, декабрь, с. 8.

³ Голлербах Э. Воспоминания о В. В. Розанове. — «Летопись Дома литераторов», 1922, № 8—9, с. 4.

⁴ Там же. Еще более содержательную характеристику о. Павла Флоренского находим в письме В. В. Розанова М. Спасовскому от 11 апреля 1918 года: «Это — Паскаль нашего времени. Паскаль нашей России, который есть, в сущности, вождь всего московского молодого славянофильства и под воздействием которого находится множество умов и сердец в Москве и в Посаде, да и в Петербурге. Кроме колоссального образования и начитанности, горит самым энтузиазмом к истине. Знаете, мне порою кажется, что он — святой: до того необыкновенен его дух, до того исключителен... Я думаю и уверен в тайне души, — он неизмеримо еще выше Паскаля, в сущности — в уровень греческого Платона, с совершенными необыкновенностями в умственных открытиях, в умственных комбинациях или вернее в прозрениях...» (цитируется по: Игумен Андроник. Московский кружок, с. 8).

⁵ О. Сергей Фудель. У стен церкви.

⁶ Здесь и ниже записи дочери Розанова Надежды цитируются по копии 50-х годов, снятой с дневников Н. В. Розановой ее сестрой Т. В. Розановой и хранящейся в настоящий момент среди новых поступлений в фонде М. А. и Т. Г. Цяв-

ловских (ЦГАЛИ). В дальнейшем ссылки на этот источник везде: Дневниковые записи...

⁷ Голлербах Э. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. Берлин, 1922, с. 61—62.

⁸ Дневниковые записи...

⁹ Гиппиус З. Н. Живые лица. Вып. 2, Мюнхен, 1971, с. 81—82.

¹⁰ См. его письмо В. Розанову от 26 июля 1918 года (ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 467, л. 5).

¹¹ Подробнее об отношениях Розанова и Горького см. публикацию Л. Я. Иокар «Письма М. Горького к В. В. Розанову». — В сб.: «Контекст-78». М., 1979. Сумма, присланная Горьким, названа неточно, во всяком случае, она обнаруживает расхождение с той цифрой, которую называет сам Розанов.

¹² Блок А. Записные книжки. М.—Л., 1968, с. 435.

¹³ Архив А. М. Горького (ИМЛИ).

¹⁴ Блок А. Записные книжки, с. 446.

¹⁵ Дневниковые записи...

¹⁶ Гиппиус З. Н. Живые лица, с. 86.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 321.

¹⁸ Гиппиус З. Н. Живые лица, с. 37.

¹⁹ «Вестник литературы», 1919, № 5, с. 9. Иегова (Яхве) — в Ветхом завете непроизносимое имя Бога. Озирис (Осирис) — в египетской мифологии Бог, сын земли и неба. Астарта — в древнесемитской языческой мифологии богиня-воительница, покровительница любви и плодородия.

²⁰ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

²¹ Дневниковые записи...

²² Письма аналогичного содержания Н. В. Розанова направила всем друзьям и доброжелателям отца: М. Горькому, Б. А. Садовскому,

А. А. Блоку и др., круг этих лиц полностью пока не выявлен. В заметке Э. Ф. Голлербаха «Памяти А. А. Измайлова» упомянуто, например, что такое письмо от Розанова получили также Мережковский и Измайлов («Вестник литературы», 1921, № 4—5 (28—29), с. 13).

²³ Гиппиус З. Н. Живые лица, с. 78.

²⁴ Описание помет Блока на страницах «Апокалипсиса нашего времени» В. Розанова см.: Библиотека А. А. Блока. Описание, т. 2. Л., 1984, с. 216; об отношениях Блока и Розанова см. также публикацию Л. С. Флейшмана письма В. Розанова к Блоку: Блоковский сборник II. Тарту, 1972, с. 402—403.

²⁵ «Литературное наследство», т. 70. М., 1963, с. 346.

²⁶ Розановский кружок. Заметка.— «Вестник литературы», 1921, № 9(33), с. 13—14.

²⁷ Кружок памяти В. В. Розанова. Заметка.— «Новая русская книга», 1922, № 3, с. 30.

²⁸ Сообщение об этом впервые появилось в цитированной выше заметке «Розановский кружок». О том, что такое издание планировалось в издательстве З. Н. Гржебина, а также о причинах, по которым оно не осуществилось, о. Павел Флоренский писал в 1929 году: «...Я потратил много труда, чтобы разобраться в хаотическом наследии В. В. Розанова и постараться из фрагментов составить за него книги, которых он фак-

тически не осуществил ... Но за это время в процессе государственного строительства произошли естественные расслоения, и то, что было законно в первые годы Революции, стало нарушающим общекультурную политику в дальнейшие годы. Вдумываясь в принятый властью курс, я увидел, что действительно печатание сочинений В. В. Розанова приходится считать несвоевременным». (Контекст-72. М., 1973, с. 345). О. Павел Флоренский получил в 1929 году предложение от М. Л. Цитрона издать сочинения Розанова за рубежом (приведенный фрагмент письма был ответом ему), но это предложение Флоренский отверг. Однако следов работы П. А. Флоренского над подготовкой издания сочинений Розанова не обнаружено. Единственным упоминанием следует назвать объявление на книге издательства «Колос» следующего содержания: «Издательство «Поморье» готовит сочинения В. В. Розанова в 3-х книгах «Во дворе язычников». (Объявление напечатано на обложке книги: К н я ж н и н В. Александр Александрович Блок. Пб., «Колос», 1922.) План книги «Во дворе язычников» был намечен еще самим Розановым. По сообщению хранителей семейного архива Флоренских игумена Андроника и П. А. Флоренского, сохранилась рукопись предисловия П. В. Флоренского к книге «Во дворе язычников».

²⁹ Гиппиус З. Н. Живые лица, с. 67.

Б. А. САДОВСКОМУ

Декабрь 1917 г.

Дорогой, милый, Борис Александрович!

Поищите, поспрашивайте,—купца, домовладельца,—сами подумайте, поразмышляйте: душа моя полна глубокого отчаяния, и с 4-мя детьми (2-я дочь, Вера, ушла в монастырь и счастлива) я замерзаю, в холоде и голоде. **Неужели ни один человек в России не захочет и не сможет меня спасти?** Что делать: научите, спасите, осветите пути жизни. Воображение мое полно мыслей, я могу и многое могу: но я — **ничего не умею**. Однако способен чистить сапоги, ставить самовары, даже носить воду, и вообще способен к «домашним услугам». Не говоря о «чудных вымыслах», к которым храню дар как Фет. **Крепостное право** я всегда рассматривал как естественное и не унижительное положение для таких лиц или субъектов как я: ну, что же, мы не находим себе места в мире, мы не находим модуса, формы труда. Мы не можем изобрести, придумать: как нам жить? И мы можем стать только за спину другого, сказав: «веди, защити, сохрани. Мы будем тебе покорны во всем. Послушны, работящи (о лени нет и вопроса). Мы будем все делать тебе. А ты дай нам, и с семьей, которая тоже идет в крепость тебе,—пропитание, хлеб, тепло, защиту».

Мне всегда это казалось правдою и естественным состоянием неумелых, а следовательно и беззащитных людей. И у Суворина я чувствовал себя беззащитным человеком,

«которого только курица не обидит». До того я слаб, мерзок и глуп, что не умел, пока был жив еще старик, попроситься ему «в крепость». А теперешние молодые люди, его потомство¹, не поймут уже моей великой и спасительной мысли социального и (религиозного) крепостничества.

Пишите мне непременно. Сергиев Посад, Московской губернии. Красюковка. Полевая улица, дом Беляева, В. В. Розанову.

Подумайте обо мне. Подумайте мучительно. Подумайте хорошо.

Гордости во мне никогда не было. Я весь смиренный и тихий.

Мне нужен: кусок хлеба, тепло, комната. Книгопродавец М. С. Елов² сделал мне милость: согласился издавать «Апокалипсис нашего времени»: но я сделал безтактное заявление в 2-м №, он обиделся явно, и «последнее спасение» рухнуло, или почти рухнуло. Подумайте, дорогой. Есть в Москве какой-то союз самоиздающихся писателей³. Нельзя ли бы к нему примкнуть? Кто руководитель, кто главный? Где адрес? Помогите. Непременно пишите. Господи: есть же люди на Руси, которые меня любят. Где они? Господи, где.

В. Розанов

Публикуется впервые по копии ЦГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, ед.хр. 450.

Садовской Борис Александрович (1881—1952)—поэт, критик.

Из примечания Б. Садовского к письму В. Розанова:

«...письмо Розанова является страшным, мучи-

тельно-безнадежным воплем человека, выброшенного из жизни. Пресловутый цинизм покойного писателя сослужил ему плохую службу. Розанов гордился, что прожил всю жизнь за занавеской; этой занавеской являлся для него огромный номер «Нового Времени», когда же его не стало, философ очутился на улице голодный и холодный. По моему мнению, последнее письмо должно считаться крупным человеческим документом из числа многих, порожденных революцией.

Борис Садовской (1926)»

¹ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — с 1876 г. издатель газ. «Новое Время». В 1911 организовал Акционерное издательское и книготорговое общ-во «Новое Время».

Суворин Алексей Алексеевич (1862—1937), сын А. С. Суворина от первого брака. С 1888 г. фактический редактор «Нового Времени». В 1903 г. оставил «Новое Время», основав газету «Русь».

Суворин Борис Алексеевич (1879—1940) — сын А. С. Суворина, принимал участие в редактировании газеты.

Суворин Михаил Алексеевич (1860—1936) — сын А. С. Суворина от первого брака. Печатался в «Новом Времени». С декабря 1903 г. фактический редактор газ. «Новое Время».

Взаимоотношения В. В. Розанова с сыновьями Суворина были неоднозначны, о чем неоднократно упоминается в переписке Розанова.

² Елов Михаил Савельевич — владелец магазина в Сергиевом Посаде (1918 г.), финансировал издание «Апокалипсиса нашего времени».

³ Союз самоиздающихся писателей. — Вероятно, имеется в виду «Книжная лавка писателей», которая открылась в начале сентября 1918 г. на кооперативных началах. Помогала писателям распродавать свои произведения и книги из личных библиотек. Учредителями были М. А. Осоргин, Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон. См. об этом: Б. Зайцев. Москва — Париж., 1939 г., с. 286—287. В дальнейшем книжная лавка стала продавать рукописные сборники и отдельные произведения. Подробнее см.: Богомоллов Н. А., Шумихин С. В. «О рукописных книгах 1919—1922 гг.» — «Наше наследие», 1988, № 6.

А. П. УСТИНЬСКОМУ

I

<7 июня 1918>

Спасибо Вам, дорогой и милый батюшка Александр Петрович за пространное длинное письмо. Все Ваши <нрзб> письма, всегда (много лет) меня утешали. В них всегда горячая любовь, и — сердце к сердцу, лично, а не вообще (не схема). Моя больная Варвара, дочь (тоже) Варя, Таня, Надя, Вася, Вера (в монастыре) ¹ благодарят Вас все и просят Ваших заступнических молитв. Все Вас целуют и обнимают. Не знаю, что и делать. Писатель-сомнамбула. Лазит по крышам и видит сны, и если кто-то его «не поддержит» — он упадет и разобьется. С 1/1000 долей моего таланта — давно богаты, миллионеры (М. Горький, Л. Андреев), а мне случалось попросить у прохожего папиросу изо рта, чтобы затянуться, согреться и горячо поблагодарить. И если бы знали люди, как я всегда благодарен.

В. Розанов

II

<15 июля 1918>

Без числа Вам было написано писем, милый и дорогой, ненаглядный старый друг. Но — ждал выпуска «Апокалипсиса», чтобы заплатить подешевле <нрзб>. Не надо ради Бога высылать денег. Хотя в 6—7 выпусках у меня есть «обращение к читателю, который друг» ², я пережил нечто ужасное с октября и по сейчас. Но, боюсь сглазить... Молчу. Любящий В. Розанов. <нрзб> Жене и дочери поклон.

П. А. Флоренский хочет писать и уже начал биографию и личность ар. Феодора Бухарева ³... Он уверен, что эта личность все у нас начала.

Публикуется впервые по автографу ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед.хр. 315. Датируется по почтовому штемпелю.

Устиньский Александр Петрович (1854—1922) — протоиерей Десятинского женского монастыря в Новгороде. Знаком с В. В. Розановым с 1898 г. З. Н. Гиппиус вспоминала об Устиньском: «...исключительной глубины и прелести человек — священник Устиньский...» (Гиппиус З. Н. «Живые лица», вып. 2. Мюнхен, 1971, с. 26—27.)

¹ На иждивении В. В. Розанова находились: жена Варвара Дмитриевна, урожденная Руднева, в первом браке Бутягина (1862—1923); дочь Татьяна (1895—1975); дочь Вера (1896—1919), которая с 1913 года ушла в монастырь, а через несколько месяцев после кончины отца покончила с собой; дочь Варвара (1898—1941), в замужестве Гордина; дочь Надежда (1900—1956) по первому мужу Верещагина, по второму — Соколова. Сын В. В. Розанова Василий в октябре 1918 вместе с сестрой Варварой поехал на Украину за продуктами, но в Курске заболел воспалением легких и умер.

² «обращение к читателю...» — см. вступительную статью.

³ Феодор Бухарев — Бухарев Александр Матвеевич, в монашестве Феодор (1824—1871) — духовный писатель, учился в Тверской семинарии и в Московской духовной академии, где и был оставлен при кафедре Священного Писания. Незадолго перед окончанием курса принял монашество. Занимался толкованием «Апокалипсиса». П. А. Флоренский в 1918 году работал над книгой о Ф. Бухареве, о чем свидетельствует его письмо к Б. Э. Нольде от 10 марта 1918: «Глубокоуважаемый Борис Эммануилович! С радостью узнал о намеченном предприятии издательства «Огни». Долгом своим считаю по мере сил своих способствовать этому начинанию. Написать о митрополите Филарете согласен, однако, не стесняю себя сроком слишком узким. Благодарю Вас за лестное доверие. Но именно в силу него позволяю себе обратиться к Вам со встречным предложением — дать вместо монографии о Филарете для предпринятой серии монографию, которую дать едва ли кто может, кроме нижеподписавшегося. Разумею архимандрита Феодо-

ра (А. М. Бухарева). Основанием ее для моего утверждения служит то, что в течение нескольких (более 8-ми) лет я непрестанно занимался изучением его личности, издал его «Исследования Апокалипсиса», ряд писем Бухарева и к Бухареву и изучал среду, в которой он вращался, в моих руках находятся неизданные сочинения Бухарева, серии писем его и воспоминания о нем; кроме того, я имею связи с лицами близкими к покойному арх. Феодору. Смее утверждать, что минуя меня, никто не может сейчас написать о нем, не оставив без внимания существенно важные материалы. Что же до вопроса о достаточной значительности арх. Бухарева для монографии, то, конечно, тут возможны разные мнения. Мое же, сложившееся в итоге долгих обдумываний: арх. Феодор есть родоначальник религиозного и отчасти литературного течения нашей современности, и только теперь приходит время его настоящей оценки. Однако и в прошлом его влияние, обычно просачивавшееся подкожно, было велико. Важно учесть и его светские связи с Гоголем, славянофилами. Подлежит обследованию Достоевский и Соловьев в этом отношении».

П. П. ПЕРЦОВУ

написано летом <лето 1918>
Ну, Бог с Вами. Видел доброе —
увидишь и худое.

I

Дорогой и милый П. П., я получил от Вас 2 оч <ень> грубых письма, «Чичиков» и карандашом: и т. к. вижу, что настал «кризис» нашей дружбы, то хочу Вам сказать «на прощание» или (лучше бы) не на прощанье, что вся та великая и прекрасная дружба, какая нас связывала без малого 20 лет, остается во мне, что я никогда не забуду «того Петю Перцова», который приехал ко мне на Павловскую знакомиться, и всю ту бесчисленную помощь «делом, словом и помышлением» (а ведь «дела»-то всегда вытекают конечно из **помышления**), какую видел и наконец какую, испытал, т. е. вобрал плоды ее в себя, спасся. После Саввушки Эфрона¹, — тоже милого и незабвенного, Вы пришли ко мне вторым. Вы, тогдашний декадент, пожалуй — декадент «под Мережковского». Если пожалуй взять еще Федорова из «Торг <ово>-Пром <ышленной>»², — то вот и все. На этой ужасной «Павловской, д. 2 Ефимова», я жил под двумя славянофилами. Афанасьюшко Васильев³, генерал-контролер Госуд <арственного> Контроля, ходивший в армяке и в мурмолке, сочинявший стихи и прозу в память Хомякова, и издававший «Благовест» «для пользы службы», т. е. писавший в нем дифирамбы Филиппову⁴ и инвективы против врага и гонителя Третья, Витте⁵. Второй был гениальный тунеядец Рцы⁶. Еще третий жил где-то на Зверинской улице, против Зоологического сада, «жених своей невесты», Шарапка⁷: gamain*, озорник, но — милый в общем человек. С Рцы я был в переписке из

Белого⁸, очень интересной и очень идейной, и Рцы именно и пригласил меня из Белого, «остановиться тут, в славянофильском гнезде». Я был какая-то «начинающая знаменитость из провинции», и вот, после «нехорошей встречи» с Третьим (сразу оба не понравились друг другу, необъяснимо — почему) началось «спускание меня по государственной службе», где кусательную сторону составляло конечно жалованье: после 150 р. в Белом, где я за квартиру в 8 комнат платил 25 р., я получил «прикомандированный к Афоньке» — 100 р., с квартирой в 37 р. из 4 комнатшек «во двор». Ну, и провизия — уже не как в Белом, где пара «рябцов» (рябчики) неизменно стоила 30 коп., т. е. 15 к. рябчик, и говядина — 10 к. «черкасская», и молоко — латышка Штэкмо носила — почти даром. А жалованье убавилось на 50 р. И вот я помню ужас почти хохота внутреннего надо мной как «знаменитостью будущей в литературе» — этих Афоньки (в основе же Филиппова, конечно, страшно честолюбивого и «притязавшего» на литературность «академика»), и Рцы (да! да! хотя — «друг», но — неудачный в литературе «друг», и Шарапки, коего в журналах вообще нигде не пускали за необразованность, легкомыслие и вообще (за его шалопайность, хотя очень милую). Тут еще приехал, недели через 4 позднее меня, Н. П. Аксаков⁹, с бородою, медленно и важно «вешавший», и который — как я сразу не понравился Филиппову — так сразу же, и тоже необъяснимо, понравившийся Филиппову («Главное» наше всеобщее начальство). Аксакову сразу назначили 3.000 в год, т. е. 250 в месяц, хотя он вовсе нигде дотоле не служил и кончил курс в Гейдельберге, без русского воспитания и вообще без русской школы, — **всякой**. Но они все, Третьй, Аксаков, Афанасий (тоже длинная борода) — были тусклы, скучны, невыносимы и неудачны в литературе: и это их как-то «связывало» и объединяло, внутренне дружило и «сердце сердцу весть подавало». И вот — славянофилы. Захлебываются Хомяковым, И. С. Аксаковым и «всеми Аксаковыми, сколько их не писало»¹⁰, Самаринскими¹¹ — и тоже «сколько их ни писало»: и с какою-то адскою злобой, не нужно им и беспричинно, без вызова с его стороны (так, «молчу») — прямо ненавидят одного только Розанова, и по той причине, что (кроме одного Рцы) он скучает с ними и «речь не плетется». Но я бы пожелал видеть человека, у которого «плелась бы речь» с Афанасьем.

Ужасы, много лет, которых описывать не стоит. И вот приезжает П. П. П.; да, раньше его — Эфрон. Эфрон — тоже ведь «неудачник» и «гибнувший»: и сразу, с взлета, помог мне, устроив сотрудничество в «Свете» Комарова¹² с ежемесячным жалованием 100 р.

СПАСЕН!!

Розанов — спасен. Я даже — не просил его (не догадался), он же — только раз попил у меня чайку на Павловской. Милый Саввушка, милый Саввушка, ненаглядный, прекрасный. Я всегда ему мысленно целую руки,

* уличный мальчишка, озорник (франц.).

немытые, неуклюжие, и так он был вообще жиденок, смешной, наивный, чуть-чуть хвастунишечко, с претензиями на важничанье. Тут-то я впервые рассмотрел евреев, насколько в них много ясности, доброты и благородства,— вопреки подлой косности и высокомерия и зависти русской или вообще христианской. Какой ум у Рцы, гений, и что такое «ум Эфрона» против его ума, ума воистину тютчевского.

Я — жидочек бедный,
Маленький, смиренный.

Но за то моя душа

Як червонец хороша.

Да: и — ВОИСТИНУ хороша. И я не только руки, но и ноги целую этим «жидкам из гетто» с их цимбалами, их музыкой, с их музыкальной душой, за которую, за музыкальную душу, несомненно и выбрал Бог себе «в завет Авраама».

Тайна жиды — вовсе не в уме (они не очень умны), даже — не в деятельности, деятельном характере. Их глубокая тайна лежит в особом говоре сердца, «от души к душе», без посредства, почти без звуков, без слов; и в неизъяснимом благородстве, почти не выговариваемом, и которому нельзя «произвести арифметического расчета». Только болваны — всемирные историки не догадываются, что без «жидка» гаснет всемирная история, что сразу и все Капитолии и даже Парфеноны гаснут без «псалтири», без «Песни песней», и вообще

БЕЗ БИБЛИИ

«Нет Библии» — и «не нужна всемирная история». Вот *этого-то* историки и не сообразили. Сердце всемирной истории, ее неизъяснимое тепло, ее даже неизъяснимая **горячность** и есть Библия, «Иов», «Руфь», «Псалтирь» — около чего всего Парфеноны и Капитолии — всего квартира, и притом нетопленная, а только «с картинами повешенными» и шторами, и так «лепка» по стенам в сущности **нежилой** комнаты. Станный нежилой вкус во всемирной истории, точно это манекены двигавшиеся, все эти Сципионы¹³, точно — из крахмала и алебаstra. Голоса не слышишь: все Демосфены и тем паче Цицероны около пророков обращаются в безголосых. И это не только Исая, но и «из малых», Иоиль и прочее. Но оставим — никогда не кончу. Да, вот в чем дело: я не переношу несколько «впечатления Библии» на современного жидка, напротив совершенно — именно из «современного жидка», глупенького и наивного, но чистосердечного (в этом все дело) я впервые и разгадал: да в чем же тайна **очарования** Библии. Тайна: около Библии все книги кажутся ложью. Просто — ненужное, пустое, и не то, чтобы объективно ложное, но в смысле вот «раскрытого сердца» они конечно суть все пустые. Не умею, не могу высказать. Брошу: и вот приходит задумчивый Перцов. «О чем думаешь, человек?» Моргает. «Да кто ты?» Тоже моргает, смотрит вдумчиво-любяще и отвечает: «а (глухота) — я декадент». О декадентах Пав «ел» Ал «ександрович» Флоренский впервые сообщил мне «с ног сшиба-

тельную вещь», которая и в голову ни мне и никому в мире не приходила, что когда впервые стали попадаться на глаза ему декадентские «странности», то он будущему епископу Евдокиму, а тогда ректору Дух «овной» Моск «овской» Академии и редактору «Богосл «овского» Вестн «ика» читал их элементарности и бессмыслицы — и **сравнивал** их с «продуктами раннего христианства», египетского отшельничества и прочее, говоря «**ведь это по стилю души — одно и то же**», то ректор был изумлен и сказал: «конечно, это — один строй и музыка души». А, батенька? И вот, входит ко мне П. П. П. «и прочие» — и я (сам декадент, конечно) — узнаю «родные души», узнаю — безгласно, без говора, без доказательства, и хотя мы с «Дм «итрием» Серг «еевичем»¹⁴ — рассорились, но в сущности-то ведь мы — одно и то же. Флор «енский», конечно, тоже декадент и слишком декадент. Он как-то сказал мне (тоже — удивительно!): «я не считаю себя ни умным, ни замечательным человеком (мои частые и в глаза суждения о нем, раз при С. Н. Булгакове: я его сравнивал с Паскалем, на которого он **поразительно, до индивидуальности, похож лицом!**)¹⁵, но новым человеком — считаю». Вы помните:

«Мы для новой красоты

Преступаем все законы

Переходим все черты»¹⁶.

Дело и **историческая тайна** заключается в том, что «после позитивизма (и реализма)» наступила, по закону прямого перелома, эпоха декадентства воистину без пророков и без гадательных птиц; прямо — как повернулось колесо истории — и «букашки на верхнем ободке колеса» очутились «головами книзу» и под ободком, а «кверху поднялись» совершенно другие. «За одну ночь вырос целый огород исторический». Не чудо ли? Да не сказать ли: это — Бог. «Где Чернышевский, где Добролюбов с Писаревыми?» — «Прошли яко тени». «И Господь, вызвав новые души к существованию, — с позволения сказать взял да и убежал». «Разделяйтесь с ними, как знаете». Учителем был Писарев, а слушателем его — Мережковский; некто А. Ю. Кайзер мне сообщил поразительную вещь: от какой-то Пименовой¹⁷, сотрудницы «Русск. Богатства», и личного друга семьи Михайловского он узнал, будто сын Михайловского, Марк¹⁸, естественник и талант, «наследие папаши», очень интересовался мною, как писателем, и все «жалел» и «высказывался», что «не может» или «трудно» познакомиться со мною (В. В. Р.). Кажется, даже лично он говорил ему это после «†» Мих «айловского», и я сказал ему: «ну, это поздно. Когда б. жив Н. К. М «ихайловский» — я бы пошел к нему, а теперь — что же». Вообще перешло в многоточие и тусклость — по-нашему русскому обычаю... Вскоре кажется и Марк умер. Вообще не помню. Это уже было лет 8 назад, но вообще-то вывод тот, что «Михайловский учил», а сын его **уже был декадент**, как я, как Вы, как Флор «енский». Еще из предсказаний Флоренского: «я **ожидаю**, что в самом непродол-

жительном времени наступят величайшие перемены в душе человеческой, и, м <ожет> б <ыть>, в самой природе и организации человеческой». Еще спустя: «м <ожет> б <ыть> начнут рождаться люди, которые не будут просто есть». А, что вы скажете? И еще, еще: «слова Ницше о сверхчеловеке суть главные в его учении. Но Ницше был глубоко благородный человек и не имел в виду тех пошлостей, какие связывали с его «сверхчеловеком». Он высказал свое предчувствие о появлении в ближайшей истории именно новых организаций человеческого типа, новых [species]ов*, почти с органическим изменением, да и прямо с органическим». Сперва он очень противился изданию моего «Апокал <ипсиса>», но хотя я и не говорю с ним ничего о моей книжонке, он — по общему тону его отношения ко мне (это всегда чувствуется) не враждебен этому изданию, по страстному ненавидению им всей нашей культуры, то есть европейской культуры, западной, с атеизмом, с демонизмом, с пакостничеством и пакостью, в роде революций, в роде и в духе парламентов etc. Нужно заметить, мой «Апок <алипсис>» не имеет такого дурного характера, как о нем думают. Я нисколько не «против Христа», а вот моя мысль: «не происходит ли поразительный атеизм Европы, поразительная утрата чувства Бога в христианстве у христиан, именно от того, что они суть христиане, а не просто «божники», «Божьи люди» etc.; от мотива, что этот атеизм — не феноменален, а эссенциален, «в существе дела зарыт», «в зерне христианства скрыт», и, как я думаю или вот в Посаде особенно начал думать, что «атеизм этот и идет от таинственной беззерности Христа, что Христос в сущности не имел фалла, был лишен фалла, что он был «в половой организации» ни то, ни се, «Бог знает что». Ну, ладно. Устал, второй час ночи. Я думаю, если Вы дочитаете 50-й, 60-й выпуск «Апок.», и Вы скажете относительно Христа: «да, что-то не ладное с ним». «Кто он был — в сущности — мы не знаем». Меня давно начало поражать, еще со времен службы в Контроле, отчего у христиан, у одних христиан — младенцы новорожденные умерщвляются так легко? Мне это кажется самым демоническим, типично демоническим: Мне кажется мать, умерщвляющая своего новорожденного младенца, ну, пусть от стыда или чего угодно умерщвляющая, сама конечно не есть демон, но я не могу удержаться от мысли, что она «играет какую-то роль», последнюю и очень жалкую роль — в типически «демоническом комплексе явлений». И вот тут моя мысль кидается к безбрачию католического духовенства и к Григорию Гильдебрандту («святой демон», как звали его современники, очевидно не без личного впечатления)¹⁹ («что-то такое было в великом папе») и, «репка за репку» — в последнем анализе в без'фалличности Христа и след <овательно> без'семянном Его, Сударь-Батюшки, зача-

* особи (лат.).

тии. Вот видите, как я пришел к мысли «Апокал <ипсиса>». У меня это не *φ

div>όμεν**, а — суть. Вся жизнь моя в сущности положена на это. «Что такое?» «Как?», «почему?» У Канта: «как могут происходить синтетические суждения а'ргіогі**». У Ньютона: «как могут падать яблоки»? У Р <озано> ва: «как <им> образ <ом> в религии благости», «не задувающей курящегося льна» и «не надламывающей треснувшей тростинки», могут младенцы умерщвляться в сущности и отдаленно по воле (мною так любимой) церкви?» Вот. И что-то плохое мне начинает думаться о Христе. «Что-то не то»? «Что-то не такой?» «Что это учение о скопчестве — феноменально или эссенциально?». «Так к слову пришлось», «по случаю разговоров с фарисеями о разводе, или — некая тайная мысль и выражение Его без'зерной природы. Конечно матерям СТРАШНО и Больно умерщвлять Рожденных ими же (ведь в душу их никто не заглядывал) и конечно же «обществу до этого дела нет», и, след <ует> <вывод>, конечно, этого *требует* «приличие церкви». Теперь: «отчего это ПРИЛИЧИЕ требует не «по 10-ти раз в году рожать девкам, а совсем наоборот: глупое приличие, пустое, ничтожное, главное — никому ненужное — требует «ни разу девкам не рожать». Вопрос именно элементарный и ньютоновский, именно: «как могут быть синтетические суждения а'ргіогі.

Бог БЕЗ'БРАЧЕН.

Один христианский Бог

Прочий же Бог СОТВОРИЛ мир.

Теперь:

Христос = Бог.

или: Бог = Христос.

этих == (равенств) я никак не могу написать. И это-то именно и есть «источник синтетических суждений а'ргіогі». Тут я не могу не сказать и того, что если «попам этого не нужно», «обществу — не нужно же», то след <овательно> нужно «только Церкви Христовой», и именно потому, что она «не Церковь вообще», т. е. «религия вообще», а специально как Христовой Церкви. Но что-же дальше? Значит это нужно Христу? Да. Почему? Без'зерен. Мы здесь восходим на головокружительные высоты: Христос есть Дух, Solo — Дух; а Бог есть только бог, «наш Боженька», «сотворивший мир». Головокружительность заключается в том, что «есть два № Бога», «просто-Бог» и высший над Ним — Христос. Ведь страшно и исключительно, что в истории конечно не бог победил, наш «сотворивший Вселенную, обыкновенный Бог», а победил и пришел в мир с уверенностью победы-Христос и Дух и Бог. Дело в том, что расслаивается самый мир на мир'ное и над'мирное, Вселенское и Сверхвселенское, и «Над'» и «Сверх'» стало побеждать под' и вниз'. Что над Вселенною открылось еще что-то такое другое, не-мир, а «больше мира», «больше Бога». Ну — я не знаю: но явно — мир распадается, разлагает-

* явление (греч.).

** до опыта (лат.).

ся, испепеляется. «Конец мира» и вот явно для Конца-то мира и пришел Христос. «Мужайтесь, ныне я победил мир» (слова Христа). Это так страшно, так ново, эта особая космогония Христа или точнее полная а'космичность Его, что мы можем только припомнить, что в предчувствиях всех народов и р[елигий] действительно полагается, что «миру должен быть конец», что «мир несовершен». Но так страшно это «несовершен» и «конец» — что я только кладу перо и иду спать: ибо уже совсем рассвело.

Бог для меня стоит где Бог. И я учу только, что Он побежден Христом. Кто же Христос? Духа а'рожденный, именно — «пришедший», и именно Без'семенный. Без'семенно зачатый. Все точка в точку по Евангелию. Но здесь или выбросить Евангелие и «по-прежнему зажить», или «вовсе не жить», «оставаясь при Евангелии».

†

Просто — крест. Могила. Вечная ночь. Христос уносит нас в какую-то Вечную Ночь, где мы будем «с Ним наедине». Но я просто пугаюсь, в смертельном ужасе, и говорю: — **Я НЕ ХОЧУ.**

И прошусь «на прежнюю землю», «нашу». Тут не разгаданно остается, что такое в сущности «наша земля». По Христу это по-видимому «преходящее», «тьень», мнимость. Ну, не знаю. Если Христос открывает мир ноуменов. Сверх'сущего — тогда Он и вправе «звать к Себе». М <ожет> б <ыть> в смерти — высшее счастье? В конце концов самое-то страшное, что мы все действительно умираем, и не понимаем, «почему умираем», почему «индивидуальность не вечна». В конце концов еще более страшное в том, что Бог нашего мира, fall'ический, конечно, Бог — и должен быть побежден. Но тут голова моя окончательно закруживается, а глаза слипаются от желания спать.

Я Вам еще (давно уже) написал письмо, но не послал. Прощайте, целую, люблю. **Все мы очень несчастны**, и Розановы и Перцовы, счастлива только Верочка²⁰ в монастыре, шлющая нам чудные письма, нас утешающая ими и подкармливающая. Она высылает большую помощь. Об «Апок <алипсисе>» она, конечно, не знает и не зачем знать. В. Р.

Публикуется впервые по автографу ЦГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, ед.хр. 186. В квадратные скобки заключены слова, чтение которых предположительно.

Перцов Петр Петрович (1868—1947) — критик, публицист, близкий друг Розанова, издатель его произведений.

¹ Эфрон Савелий Константинович — журналист и драматург. См. о нем: Кугель А. Р. Листья с дерева. Воспоминания. Л., «Время», 1926.

² Федоров М. М. в 1893—1894 гг. редактировал «Торгово-Промышленную газету».

³ Васильев А. В. в 1895 г. был одним из издателей ежемесячника «Русская беседа», в 1895—1896 гг. одним из редакторов выходившего в приложении ежемесячника «Благовест». См. также прим. 4.

⁴ Филиппов Тертый Иванович (1825—1899) — писатель, государственный и общественный деятель славянофильской ориентации. Служил в Государственном контроле, где пользовался большим авторитетом и где с 1893 года в его подчинении служил В. Розанов.

⁵ Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — крупный государственный деятель, в 90-е годы был министром финансов, враждебно относился к славянофилам.

⁶ Рцы — псевдоним Ивана Федоровича Романова (1861—1913) — публициста славянофильской ориентации.

⁷ Шарапов Сергей Федорович в 1882—1890 гг. издавал еженедельник «Русское дело», в 1897—1899 гг. был редактором-издателем газеты «Русский труд».

⁸ Розанов жил в Белом в 1891—1893 гг.

⁹ Аксаков Николай Петрович (1853—1909) — поэт и публицист.

¹⁰ Аксаков Иван Сергеевич (1828—1886) — поэт, публицист, общественный деятель славянофильской ориентации. Кроме него, известностью пользовались его отец писатель С. Т. Аксаков (1791—1859) и брат К. С. Аксаков (1817—1860).

¹¹ Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — писатель, общественный деятель, один из идеологов славянофильства, его брат Дмитрий Федорович также был общественным деятелем, сотрудничал в «Московских ведомостях» в период редакторства И. С. Аксакова, был издателем сочинений Ю. Ф. Самарина; Самарин Николай Федорович (1829—1892) также был общественным деятелем.

¹² Комаров В. В. в 1882—1894 гг. был редактором-издателем газеты «Свет», издававшейся в Петербурге.

¹³ Сципионы — династия древнеримских полководцев.

¹⁴ Дм <итрий> Серг <еевич> — Мережковский (см. ниже письма к нему) — критик, публицист, писатель, поэт. С Мережковским и его женой З. Н. Гиппиус Розанова связывала многолетняя дружба, начавшаяся в 90-е годы.

¹⁵ Булаков Сергей Николаевич (1877—1944) — философ, начинавший как легальный марксист, позднее ставший православным мыслителем. Сотрудничал в журнале «Новый путь» и «Вопросы идеализма». В 1918 году принял сан священника. О сравнении Флоренского с Паскалем см. примеч. 6 к вступительной заметке.

¹⁶ Неточная цитата из стихотворения Д. С. Мережковского «Дети ночи»:

Мы для новой красоты
Нарушаем все законы
Преступаем все черты.

¹⁷ Пименова Э. К. — сотрудница журналов «Мир Божий» и «Русское богатство», близкий друг Н. К. Михайловского. См. ее воспоминания: Пименова Э. Дни минувшие. Л., 1929.

¹⁸ Михайловский Марк Константинович (1877—1904) — сын публициста Н. К. Михайловского, биолог по образованию.

¹⁹ Гильдебрант — монашеское имя папы Григория VII, инициатора реформы католической церкви, вводившей целибат, то есть обязательное безбрачие духовенства.

²⁰ Верочка — дочь В. В. Розанова. См. прим. 1 к письмам Розанова к Устиньскому.

II

<17(4) сентября 1918>

Дорогой П <етр > П <етрович >! Конечно, я

был бы **чрезвычайно счастлив** с В<ами> по-видаться. Все наши ссоры <нрзб> конечно, вздор (хотя я чрезвычайно был Вами обижен, и, главное, долго обижаем). Я послал Вам «любящее»¹ ящ. № 30². Хоть бы Вы, <черт>, привезли толокна.

Зябну. Голодно. Дров чуть-чуть. Таня готовит обед. В доме только несколько копеек. Ужас... А помните Ваше в СПб письмо.

«3-й день русской Республики».

Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Вонючая, проклятая.

Неужели издания расстроились? А я так рассчитывал было...

Любящий В. Роз<анов>.

Томительно хочется примчаться к Вам и поплакать на плече. Ах, что мы пережили. Я по приезде в 1917 г <оду> был как в беспамятстве. Продуктов **вне базара** (среда, пятница, воскресенье) никаких. И в довершение (убийства) душевного сделалось «недержанние мочи и кала». Ужас, ужас.

Дурылин — на редкость человек⁴.

Публикуется впервые по автографу ЦГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, ед.хр. 186. Датируется на основании пометы П. П. Перцова: «Последнее письмо, Москва, 1918, 17(4) IX».

¹ «Любящее» называет Розанов п. 1.

² Ящик № 30 — почтовый адрес Перцова: Кострома, Почтовая контора, ящик № 30.

³ Розанов цитирует письмо П. П. Перцова к нему от 1 марта 1917 года, послужившее причиной размолвки.

⁴ Дурылин Сергей Николаевич (1877—1954) — философ, историк литературы, с которым Розанов особенно сблизился после переезда в Сергиев Посад.

Н. А. КОТЛЯРЕВСКОМУ

I

23 августа 1918, Сергиев Посад

Счастлив. Благодарю. Крепну надеждой.

Господи, что же случилось с нашей Россией. Кто ждал? Кто — предвидел. Когда **подобным** кончались революции. «Светопредставление».

В. Розанов¹

II

(сентябрь—октябрь 1918), Сергиев Посад

Дорогой Нестор Александрович! спасибо за пособие 100 р. Это Ал<ександр> Алекс<еевич> смастерил и он же, добряк, предложил обращаться к Академии Наук². Я так ослаб и растерян вот уже год, что это мне и **в голову не пришло**.

«А счастье было так
возможно

Так близко...»

Похлопочите, родной.

В. Розанов.

III

(ноябрь 1918), Сергиев Посад

Глубоко уважаемый Нестор Александрович! Получил 100 р., но выслушайте: прочтите в № 6—7 «Апок<алипсиса> н<ашего> врем<ени>» «Обращение к читателям», и Вы поймете все. Во 1-х умоляю Комиссию не отказать в дальнейших же месячных высыланиях, во 2-х кажется, что мне Комиссией было определено высылать уже месяца 2 или 3 назад, и только «денег не выдавали» (Измайлов) — и тогда нельзя ли бы дослать за эти месяцы — тоже. Но главное — **не это**: потерял сына 18 л<ет>, здорового, сильного, единственного. Остались 2 дочери³, одна больная почками («нельзя работать») и другая слабенькая физически. Конечно — работают «с папой», качают воду насосом и на кухню и самовар носят (я 1/2 ведрами). Ежедневно нужно принести 6 на семью + дрова из сарая. И вот для «найма приходящей» прислуги надо бы всеми силами взять в дом. И была 1/2 надежда: но — «сорвалось». Есть и пить — больше хочется; ломят морозы ноябрем — жгучие. Теперь самая важная беда еще не та. Что делать — хоть бы посоветовал кто. Нужно именно указать, подумать, именно женским скопом, по-хозяйственному и по-домашнему: отремонтировать, вернее создать теплую одежду невозможно — это стоит тысячи (на Посадском толкучем брюки поношенные мещанские и гнусные — 120 р., галоши резиновые — мелкие — 80 р., сапоги почти новые на толкучке 200 р., и т. д.). Очевидно надо суррогатировать. У меня всегда было печальное тщеславие бедностью, и именно — детскою: «ну, как-нибудь проходите и эту зиму», «обойдется». «Поноси, Надя, Васино пальто, оно тебе впору, что, что мужское». Дети, правда, вышли чудные от этого, скромные, работающие, безумно трудолюбивые. Хорошие дети, я думаю — исключительные. Точно эллины — в простоте и невзыскательности. Но — ноябрь. Надо очевидно немедленно выслать **теплыми вещами** фуфайки 2—4 (одна дочь маленькая, аршина 2 1/2, другая на голову — выше); худенькая, «декаден[тичьья]». Нужны теплые кальсоны, чулки теплые, байковых 2 платка, и, словом, — «в окопы». Старшая (маленькая) получила службу, 1-й месяц, с очень хорошим вознаграждением, но этой радости не доверяет, не говорит — сколько. Слава Богу — спасемся, но ходить надо около версты. Ушиб страха от революции (собственно голод и холод) до того во мне велик, что потеряв единственного сына 18 лет я просто не заметил смерти, не зная, что будем **к ночи есть**. Это же ужасы. Умер, схватив воспаление обоих легких, сгорел в 4 дня. Ужасы, ужасы. Я как-то даже скрываю (от знакомых) (от посторонних), боюсь признаться и сознаться. Какой-то лед бытия, и только накуриваешься до одурения, как в антарктическом поясе моряки напиваются ромом. «Спасти бы остальных» «Что потеряно — не оглядывайся — смотри и зорко храни прочих».

Вот, друг мой, как. Революция хороша в «Zone blanche»*, а пережить ее — такие ужасы, какие только мертвые в силах вынести. Да ведь мы и не живые. «Мертвые души». И впервые за всю жизнь, когда всю жизнь волновался и ненавидел так Гоголя⁴ — вдруг открыл его неисчетные глубины, его бездны, его зияния пустоты. Гоголь, Гоголь — вот пришла революция и ты весь оправдан, со своим заострившимся как у покойника носом («Гоголь в гробу»). Прав — не Пушкин, не звездоносец Лермонтов, не фиалки Кольцова, не величавый Карамзин, прав ты один с «Повытчик — кувшинное рыло», с «городом N» (какая мысль в этом «N», — пустыня, небытие, даже нет имени, и в России именно нет самого имени, названия, это — просто «НЕТ»).

В. Розанов.

IV

(конец нояб<ря> — нач. декабря 1918),
Сергиев Посад

Благодаря участию Мих<аила> Осипов<ича> Гершензона указавшему Максиму Горькому на мое безвыходное положение, Максим Горький перевел мне по почте две тысячи рублей. Итак, мой добрый Нестор Александрович, все написанное мною Вам о пособии детям моим теплых вещей и непосильной мне самому работы **отпадает**. Теперь я сам справлюсь со своей нуждой. Преданный Вам.

В. Розанов

Ю. А. Олсуфьев⁵ — Н. А. Котляревскому

20 декабря 1918, Сергиев Посад

Василий Васильевич Розанов будучи тяжело болен, просил передать Отделению для вспомоществования литераторов и ученых при Академии Наук в лице Нестора Александровича Котляревского свою искреннюю «невыразимую» благодарность.

По поручению В. В. Розанова
Ю. О.

Публикуется впервые по автографу: Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ), ф. 135, ед. хр. 587.

Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — литературовед, академик, был секретарем Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук.

¹ Адрес на конверте: «В Петроград, Вас. Остров, В Академию наук. В комиссию по оказанию помощи нуждающимся литераторам и ученым. Нестору Александровичу Котляревскому».

² Измайлов Александр Алексеевич (1873—1921) — русский писатель, критик, был близок к В. В. Розанову. В письме от 26 июля 1918

* Мертвая зона, пустое пространство (франц.).

(ЦГАЛИ) советовал В. В. Розанову обратиться к Н. А. Котляревскому.

³ 2 дочери — Надежда и Татьяна (см. прим. к п. Устиньскому).

⁴ «...ненавидел так Гоголя... — об отношении В. В. Розанова к Гоголю см.: «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. С приложением 2-х этюдов о Гоголе». Изд-е 3-е. Спб., 1906 г., «Уединенное» Спб., 1912 г. «Опавшие листья». Короб 1. Спб., 1913—1915 гг.

⁵ Олсуфьев Ю. А. — см. прим. 4 к «Письму друзьям».

ПОСЛЕДНИЕ МЫСЛИ УМИРАЮЩЕГО РОЗАНОВА

От лучинки к лучинке, Надя, опять зажигай лучинку, скорей, некогда ждать, сейчас потухнет. Пока она горит, мы напишем еще на рубль.

Что такое сейчас Розанов?

Странное дело, что эти кости, такими ужасными углами поднимающиеся под тупым углом одна к другой, действительно говорят об образе всякого умирающего. Говорят именно фигурой, именно своими ужасными изломами. Все криво, все не гибко, все высохло. Мозга очевидно нет, жалкие тряпки тела. Я думаю даже для физиолога важно внутреннее ощущение так называемого внутреннего мозгового удара тела. Вот оно: тело покрывается каким-то странным выпотом, который нельзя иначе сравнить ни с чем, как мертвой водой. Она переполняет все существо человека до последних тканей. И это есть именно мертвая вода, а не живая. Убийственная своей мертвечиной. Дрожание и озноб внутренний не поддаются ничему ощущаемому.

Ткани тела кажутся опущенными в холодную лютую воду. И никакой надежды согреться. Все раскаленное, горячее представляется каким-то неизреченным блаженством, совершенно недоступным смертному и судьбе смертного. Поэтому «ад» или пламя не представляют ничего грозного, а скорее желанное. Это все для согревания, а согревание только и желаемо. Ткань тела, эти мотающиеся тряпки и углы представляются не в целом, а в каких-то безумных подробностях, отвратительных и смешных, размоченными в воде адского холода. И кажется кроме озноба ничего в природе даже не существует. Поэтому умирание, по крайней мере от удара — представляет собою зрелище совершенно иное, чем обыкновенно думается. Это холод, холод и холод, мертвый холод и больше ничего.

Кроме того, все тело представляется каким-то надтреснутым, состоящим из мелких раздробленных лучинок, где каждая представляется трущею и раздражающею остальные. Все вообще представляет изломы, трение и страдание.

Состояние духа — его¹ — никакого. Потому что и духа нет. Есть только материя изможденная, похожая на тряпку, выброшенную на какие-то крючки.

До завтра.

Ничто физиологическое на ум не приходит. Хотя странным образом тело так изнеможено, что духовного тоже ничего не приходит на ум. Адская мука — вот она налицо.

В этой мертвой воде, в этой растворенности всех тканей тела в ней. Это черные воды Стикса, воистину узнаю их образ.

Печатается по записи Н. В. Розановой: ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед.хр. 244. Впервые опубликовано с неточностями: «Летопись Дома Литераторов», 1922, № 8—9, с. 5. К тексту сделано примечание: «Продиктовано В. В. Розановым его дочери Надежде в декабре 1918 г. за месяц до смерти».

¹ Ego — я (лат.).

Д. С. И З. Н. МЕРЕЖКОВСКИМ И Д. В. ФИЛОСОФОВУ

(декабрь 1918)

Дорогой, дорогой, милый Митя, Зина и Дима!¹

В последней степени склероза мозга, ткань рвется, душа жива, цела, сильна!

Безумное желание кончить Апокалипсис, «Из восточных мотивов» и издать «Опавшие листья»² и все уже готово, сделано, только распределить рисунки из «Восточных мотивов», но это никто не может сделать.

И рисунки все выбраны. Лихоимка судьба свалила Розанова у порога.

Спасибо дорогим, милым, за любовь, за привязанность, сострадание.

Были бы вечными друзьями — но уже кажется поздно.

Обнимаю вас всех крепко и целую вместе с Россией дорогой, милой. Мы все стоим у порога и вот бы лететь и крылья есть, но воздуха под крыльями не оказывается. Спасибо милому Сереже Каблукову³ за письмо очень содержательное. Что же он не пишет большого письма, которое обещал?

Теперь дела мои все устроились. Спасибо Максимушке, Саше Бенуа, спасибо Макаренко⁴.

Господи, какие воспоминанья связаны с «Миром Искусства», «Новым путем»⁵.

Восходит золотая Эос!⁶ Верю, верю в тебя, как верю в Иерусалим! Ах, все эти святыни древности они оправдались и в каких безумных оправданьях.

Целую, обнимаю вместе с Россией несчастной и горькой.

Творожка хочется, пирожка хочется. А ведь когда мы жили так безумно вкусно, как в этот голодный страшный год? Вот мера вещей. Господи, неужели мы никогда не разговеемся более душистой Русской Пасхой, хотя теперь я хотел бы праздновать вместе с евреями и с их маслянистой, вкусной, фаршированной с яйцами щукой. Сливаясь, так сливаться в быте, сразу маслянисто и легко.

Впервые: «Вестник литературы», 1919, № 8,

с. 14; печ. по записи Н. В. Розановой: ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед.хр. 244.

Прим. Н. В. Розановой: «Это было в первые дни болезни. Получив от Ховина письмо, где он пишет, что Мережковский посылает ему деньги, папа был до глубины души потрясен. Он торопил меня, волновался. Он был в страшном напряжении. Умолял меня не менять выражений, писать все, что он диктует и все повторял: «Безумно холодно звучит, когда хочется писать горячо, нежно» и плакал».

¹ Митя, Зина, Дима — Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941); Гиппиус Зинаида Николаевна (1896—1945), Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940).

² «Апокалипсис нашего времени». Сергиев Посад (1917—1918) — последние статьи В. В. Розанова, объединенные общим заглавием. Серия была начата 15 ноября 1917 г. За 1917—1918 гг. было издано 10 выпусков; «Из восточных мотивов». Петроград 1916/1917 г. — вышло 3 выпуска. «Опавшие листья» — имеется в виду несостоявшееся издание 3-го номера «Опавших листьев» Г. А. Леманом.

³ Каблуков Сергей Платонович (1881—1919 г.) — секретарь Религиозно-Философского общества (1909—1913 г. Пб.), преподаватель математики в женск. гимназии А. П. Никифоровой, музыкальный критик и сотрудник ж. «Музыкальный современник» (1913—1915).

⁴ «Максимушка, Саша Бенуа, Макаренко» — А. М. Горький; Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) сблизился с В. В. Розановым в период работы в журнале «Мир искусства». (1899—1904 г.) Макаренко Николай Эмельянович (1888—1934) — сотрудник Эрмитажа (см. о нем: Звагельский В. Нельзя забыть. — «Червоний промись», 1988, 10 декабря).

⁵ «Мир искусства», «Новый путь» — журналы, в которых активно сотрудничал В. В. Розанов. В ж. «Новый путь» (1902—1904) В. В. Розанов вел особую рубрику «В своем углу».

⁶ «Золотая Эос» — в греческой мифологии богиня утренней зари.

МОЯ ПРЕДСМЕРТНАЯ ВОЛЯ

10 января 1919

Я постигнут мозговым ударом. В таком положении я уже не представляю опасности для Советской республики. И можно добиться мне разрешения выехать с семьей на юг.

Веря в торжество Израиля, радуясь ему, вот что я придумал. Пусть еврейская община в лице Московской возьмет половину права на издание всех моих сочинений и в обмен обеспечит в вечное пользование моему роду племени Розановых честную ферму в пять десятин хорошей земли, пять коров, десять кур, петуха, собаку, лошадь и чтобы я, несчастный, ел вечную сметану, яйца, творог и всякие сладости и честную фаршированную щуку.

Верю в сияние возрождающегося Израиля, радуюсь ему <нрб>.

Василий Вас. Розанов

Впервые с рядом неточностей: «Вестник литературы», 1919, № 6, с. 15; Печатается по записи

Н. В. Розановой: ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед.хр. 244. Все последующие письма печатаются по указанному источнику (до письма Н. В. Розановой П. П. Перцову) и отдельно не оговариваются.

Л. Д. ХОХЛОВОЙ

Лидочке Хохловой!¹

Милая, дорогая Лидочка! С каким невыразимым счастьем я скушал сейчас последний кусочек чудного, белого с маслом хлебца, присланный Вами из Москвы в декабре и спасибо Вашей милой сестрице. И хочу, чтобы где будет сказано о Розанове последних дней, не было забыто и об этом кусочке масла. Спасибо, милая! И родителям вашим спасибо. Спасибо.

Благодарный Вам В. Розанов

Эту записку сохраните (писал собственноручно).

Публикуется впервые.

Прим. Н. В. Розановой: «Написано письмо в благодарность за присланную Л. Хохловой белую булочку с маслом, которую она принесла мне для папы и которую захватила на службу. Папа был очень растроган. Тогда он вообще был в очень нервном состоянии, постоянно плакал...» (л. 29 об.).

¹ Лидия Дометьевна Баранова, урожденная Хохлова (р. 1900) — приятельница дочери В. В. Розанова Надежды.

ПИСЬМО К ДРУЗЬЯМ

17 января 1919 года. Четверг

Благородного Сашу Бенуа, скромного и прекрасного Пешкова, любимого Ремизова и его Серафиму Павловну¹, любимого Бориса Садовского, всех литераторов без исключения, Мережковского и Зину Мережковскую — ни на кого ни за что не имею дурного, всех только уважаю и чту.

Все огорчения, все ссоры, считаю чепухой и вздором.

Ивана Ивановича Введенского благодарю за доброту и внимание, Музе Николаевне Всехсвятской целую руку за ее доброту, самого Всехсвятского² целую и за его доброту и за папироски. Каптереву³ благодарю и целую руку за ее доброту и внимание. Ну конечно, графа и графиню Олсуфьевых⁴ больше всего благодарю за ласку, Флоренского за изящество, мужество и поучение, мамочку нашу бесценную за всю жизнь и за ее грацию.

Лемана⁵ благодарю за помощь и великодушные и жену его тоже, они оба изящны очень и очень сердечны и глубоко надеюсь от Лемана большое возрождение для России.

Гершензона⁶ благодарю за заботу обо мне, очень благодарю. Виктора Ховина люблю и уважаю, Устиньскому милому кланяюсь в ноги и целую руки, Макаренко сердечно кланяюсь.

Перед сокровищем Васенькой прошу прощения. Много виноват в его смерти. Грациозной Наденьке желаю сохранить ее гра-

цию, великодушной и великой Вере желаю продолжения того же пути монашеской жизни, драгоценной и трепетной. Тане желаю сохранить весь образ ее души. Варе желаю сохранить бодрость и крепость духа, Алю⁷ целую, обнимаю и прошу прощения за все мои великие прегрешения перед ней, Наташу⁸ целую и обнимаю, любимому человеку Шуриному очень желаю добра и счастья. Только вместе, и вообще разделенья не желаю никому на свете, никому.

Лидочку Хохлову обнимаю, как грациозную девочку, (Шернаваля)⁹ вполне понимаю и извиняю вполне, ни на что не сержусь. Дурылина¹⁰ милого люблю, уважаю и почитаю и точно также Фуделя, Чернова, Анне Михайловне¹¹ дорогой целую руку ее, и также точно Надежде Петровне¹². Ангела о. Александра за истинную доброту его благодарю и всему миру кланяюсь в ноги и почитаю за его великую герпимость.

Публикуется впервые.

Прим. Н. В. Розановой: «... В этот день что-то случилось, что-то открылось ему, он понял что-то и уже стал нездешним.

В первые дни болезни что-то темное и тяжелое было в нем. Темный свет исходил. Но затем темные лучи преобразились, полились новые, теплые, радостные. Жуть исчезла.

Диктовал это письмо, напряженно думая, но опять-таки каким-то уже нездешним чувством, все охватывающим, все понимающим, но уже далеким от всех...

Когда кончил, обратился к маме тем же страшным, ясным и радостным голосом, сказал: «Кажется, я со всеми простился хорошо, да, мама?» и через несколько минут ясно, радостно проговорил: «мамочка, поцелуемся во имя Христа».

Снова замолчал и добавил: «По старому будем жить, по-православному, не будем сердиться на церковь, все прегрешения забудем...».

¹ Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель, Ремизова Серафима Павловна (1876—1943) — его жена. Об отношениях Розанова и Ремизова см.: Ремизов А. М. Кукха. Розановы письма.

² Муж и жена Всехсвятские (Всехсвятские в написании Розанова) — Николай Дмитриевич, служивший библиотекарем в Духовной академии, и его жена Муза Николаевна. Оба много сделали для Розанова и его семьи в голодные 1917—1919 гг.

³ Каптерева — жена Каптерева Сергея Николаевича, жителя Сергиева Посада.

⁴ Граф и графиня Олсуфьевы — Юрий Александрович Олсуфьев (1878—1937?) и Софья Владимировна Олсуфьева (урожденная Глебова). Ю. А. Олсуфьев был известный историк русского искусства, специалист по иконописи и прикладному искусству. С марта 1917 года переехал в Сергиев Посад и с 1918 года вместе с П. А. Флоренским работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троицко-Сергиевой лавры. Подробнее см.: Вздорнов Г. И. Забытое имя. — В сб.: Памятники Отечества. Вып. 2. М., 1987, с. 83—89.

⁵ Леман Георгий Адольфович (1887—1968) — издатель, друг и почитатель В. В. Розанова, в дальнейшем — лингвист, переводчик, педагог. В 1918—1922 гг. пытался издать 3-й короб «Опавших листьев», переписку В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым, П. П. Перцовым и П. А. Флоренским.

⁶ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — критик, историк литературы. Один из тех, кто откликнулся на цитируемое во вступительной заметке к настоящей публикации обращение В. В. Розанова «К читателю, который друг», прислав Розанову письмо. Последний считал также, что благодаря хлопотам Гершензона получил и помощь от Горького.

⁷ Аля — Александра Михайловна Бутягина (ум. 1920), дочь Варвары Дмитриевны Розановой от первого брака.

⁸ Наташа — возможно, Вольман Наталья Аркадьевна, подруга А. М. Бутягиной.

⁹ (Шернаваль) — врач, лечивший В. Д. Розанову.

¹⁰ Дурылин Сергей Николаевич — см. прим. ко второму письму Розанова к П. П. Перцову в настоящей публикации.

¹¹ Анна Михайловна Флоренская, жена П. А. Флоренского.

¹² Надежда Петровна Гиацинтова — теща П. А. Флоренского.

К ЛИТЕРАТОРАМ

17-го января. Четверг 1919 года

Нашим всем литераторам напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится, и что они должны предупредить этот холод, что это должно быть главной их заботой.

Что ничего нет хуже разделения и злобы и чтобы они всё друг другу забыли, и перестали бы ссориться. Всё это чепуха. Все литературные ссоры просто чепуха и злое наваждение.

Никогда не плачьте, всегда будьте светлы духом.

Всегда помните Христа и Бога нашего.

Поклоняйтесь Троице безначальной и живоносной и изначальной.

Флоренского, Мокрицкого и Фуделя и потом графов Олсуфьевых прошу позаботиться о моей семье и также Дурылина, и всех, кто меня хорошо помнит.

Прошу Пешкова позаботиться о моей семье.

Впервые: «Вестник литературы», 1919, № 5, с. 8; публикуется по записи Н. В. Розановой...

К ЕВРЕЯМ

17-го января 1919 года

Благородную и великую нацию еврейскую я мысленно благословляю и прошу у нее прощения за все мои прегрешения и никогда ничего дурного ей не желаю и считаю первой в свете по назначению.

Главным образом за лоно Авраамово в том смысле, как мы объясняем это с о. Павлом Флоренским.

Многострадальный, терпеливый русский народ люблю и уважаю.

Впервые с неточностями: «Вестник литературы»; 1919, № 6, с. 15; публикуется по записи Н. В. Розановой...

Н. Э. МАКАРЕНКО

К Макаренко

20-го января 1919 года

Милый, милый Николай Эмельянович, спасибо Вам за доброе внимание Ваше, которое никогда не забуду, как не забуду и друзей своих всех дорогих, не забуду драгоценный Эрмитаж и работу по нем благородного Бенуа.

Этот Эрмитаж незаслуженная драгоценность для всей России.

Помните ли Вы драгоценный Елизавет и драгоценный эстамп с нее? Особенно, когда она была младенцем? Для меня это незабываемо. Величавую Екатерину и все это величие и славу, когда-то былое в России, но теперь погибшее.

Боже, куда девалась наша Россия. Помните Ломоносова, которого гравюры и храню до сих пор, Тредьяковского, даже Сумарокова? Ну, прощай былая Русь, не забывай себя. Помни о себе.

Если ты была когда-то величава, то помни о себе. Ты всегда была славна!

Передайте Мережковскому о всей этой славе, которую он помнит так хорошо. Поклон его Петру и его стрельцам¹. Это тоже слава России. Поклон его Зине. Поклон его милой Тате и Нате² и если можно, поцелуй, а я знаю, что можно. Если бы можно было бы, позволили бы силы, можно было бы рисунки закончить и это была бы драгоценная работа для них и для меня.

Ну, друзья, устал, изнеможен, больше не могу писать. Сделайте что-нибудь для меня. Я сам умираю уже, нечего больше, прежде всего работать. Хочется очень работать. Хочется очень кончить Египет³ и жадная жажда докончить, а докончить вряд ли смогу. А работа действительно изумительная. Там есть масса положительных открытий, культ солнца почти окончен.

Еще хотел бы писать, мои драгоценные, писать больше всего об Египте, об солнце много изумительных афоризмов, м. б. еще припишу «писульки», не знаю и не берусь за это.

От семьи моей поклон, от моей Вари поклон, от моих детей, тружеников небывалых поклон в этом не сомневайтесь, не колеблетесь. Варя совершенно с Вами помирилась.

Всему миру поклон, драгоценную благодарность, от своей Танечки тоже поклон, она грациозная, милая, и какая-то вся игривая и вообще прелестная и от Наденьки, которая вся грация: приезжайте посмотреть. И это пишу я, отец, которому, естественно стыдно писать. Ну, миру поклон, глубокое завещание никаких страданий и никому никакого огорчения.

Вот кажется все!

Васька дурак Розанов

Детки собираются сейчас дать мне картофель, огурчиков, сахарина, которого до безумия люблю. Называют они меня «куколкой», «солнышком», незабвенно нежно, так нежно, что и выразить нельзя, так голубят меня. И вообще пишут: «так! так! так!», а что «так» — разбирайтесь сами.

Сам же себя я называю: «хрюнда, хрюнда, хрюнда!» Жена нежна до последней степени, невыразимо и вообще я весь счастлив, со мной про-

исходят действительно чудеса, а что за чудеса, расскажу потом когда-нибудь.

Все тело ужасно болит!

Впервые — Летопись Дома Литераторов, 1922, № 8—9, с. 5 с неточностями.

Публикуется по записи Н. В. Розановой...

О Н. Э. Макаренко см. прим. 4 к письму В. Розанова Мережковским.

¹ Поклон его Петру и его стрельцам — имеется в виду роман Д. Мережковского «Петр и Алексей», где царевич Алексей и поддерживавшие его стрельцы, поднявшие бунт против Петра 1, были изображены весьма сочувственно.

² Тата и Ната — сестры З. Н. Гиппиус Татьяна Николаевна (1877—1945?) и Наталья Николаевна (1880—1945) Гиппиус. Кончили Академию художеств, т. н. по классу «свободный художник», Наталья Николаевна была скульптором. После революции остались в России.

³ «хочется очень кончить Египет» — В. В. Розанов подготовил обширный материал для очередных выпусков «Восточных мотивов», (ЦГАЛИ).

М. ГОРЬКОМУ

20 января 1919

Дорогой, милый А<лексей> М<аксимович>! Несказанно благодарю Вас за себя и за всю семью свою. Без Вас, Вашей помощи она погибла. 4 000 это не кое-что. Благородному Г<ершензону> тоже глубокую благодарность за его посредничество и хлопоты, и вообще, всем моим друзьям несказанный поклон за заботы, хлопоты и теплое внимание. Сейчас всего больше я устал, состояние здоровья моего крайне слабо и кажется безнадежно. Странное чувствую и ощущаю: прежде всего, потеря всего плана тела; я не знаю, не понимаю, как я себя чувствую, какая-то изломанность всего тела, раздробленность его. Всего лучше сравнить состояние моего тела с черными водами Стикса: оно наполняется холодной водой с самой ночи. Это состояние невыносимое: представьте себе ледяную воду, наполняющую Ваше тело. Никаких сил выдержать, а держаться приходится. Вот сейчас лежу, как лед мертвый, как лед трупный. Много думаю о Вас и о Вашей судьбе. Какая она, действительно, горькая, но и, действительно, славная и знаменитая. И дай Вам Бог еще успеха и успеха большого. Вы вполне его заслуживаете. Ваша «Мальва» и Барон составляют и уже составили эпоху. Так это и знайте. Ну, еще, Максимушка дорогой, прощайте и не огорчайтесь, если в чем и обидел. Помнишь, было неладное с Кожемякой. Зато Мальва превосходно вышла, и особенно изумительно Барон. Это кажется лучше всего. Прощай, не забывай, помни меня!

В. Розанов

Впервые: «Вестник литературы», 1919, № 8, с. 14; публикуется по записи Н. В. Розановой...

Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ

20-го января. Воскресенье

Дорогой Дмитрий Сергеевич!
Я не могу хорошо разобраться в своих рисунках

к <книге> «Вост<очные> Мот<ивы>». А разобраться нужно. Вы один могли бы это сделать. Вы вполне понимаете меня и мотив <ы> моего труда.

Не оспору, что он иногда бывал гениален.

Вас любящий, любящий и целующий
Вашу руку

В. Розанов

Алешке Ремизову поклон.

Публикуется впервые по записи Н. В. Розановой...

К ВАРЕ

20-е января

Милая, дорогая Варечка, кажется, что я умираю. Целую тебя крепко, счастливо, радостно. Всегда тебя люблю, на тебя всегда радовался. Не могу больше жить, не могу больше писать.

Твой <куклюшонок>*

Папа

Всех Вас люблю дорогие мои, ненаглядные, милые.

Публикуется впервые по записи Н. В. Розановой...

З. И. БАРСУКОВОЙ

20-е января

Зинаида Ивановна, дорогая, милая. Кажется, я умираю. Ничего не могу писать. Вл<адимиру> Фед<оровичу>¹ милому, дорогому, любимому. Совсем ничего не могу писать. Целую всех.

Публикуется впервые по записи Н. В. Розановой...

Барсукова Зинаида Ивановна — племянница историка Н. П. Барсукова, дочь И. П. Барсукова (1841—1906), считывала корректуру «Опавших листьев».

¹ Владимир Федорович Высотский — муж З. И. Барсуковой, ученик Розанова по Елецкой гимназии, автор книг о сектантах.

В. Р. ХОВИНУ

20-е января <1919>

Милый, милый Ховин целую тебя.

Ты был всегда моим лучшим другом и я тебя никогда не забуду. Тоже Садовскому, милому поклон. Он тоже был моим лучшим другом. Его лирика прелестна.

В. Розанов

Публикуется по записи Н. В. Розановой...

Ховин Виктор Романович — издатель журнала «Книжный угол».

М. Н. СТОЮНИНОЙ

20-е января

Мария Николаевна великая, героическая женщина. Больше не в силах ничего писать.

Публикуется впервые по записи Н. В. Розановой...

* куклюшонок — домашнее имя, которое дала В. В. Розанову дочь Надежда.

Стоюнина Мария Николаевна — вдова известного педагога Владимира Яковлевича Стоюнина, основательница частной женской гимназии в Петербурге.

* * *

Н. В. РОЗАНОВА — П. П. ПЕРЦОВУ

6 февраля 1919

Глубокоуважаемый Петр Петрович!

Сообщаю Вам о глубоком горе, постигшем нашу семью. 23-го янв <аря> ст <арого> ст <илия> в среду в 1 ч. дня скончался папа. 2 мес <яца> он болел параличом, который произошел на почве сильных потрясений и продолжительной голодовки. Он похудал так, что походил на тень, я легко его переносила с кровати на руках, как ребенка. Надо было одно — усиленное питание — которое мы не могли ему дать при всем усилии. Он все слабел и слабел и вот 23-го его не стало. Умер он совсем тихо, радостно, радостно, со всеми простился. 4 раза он причащался, 1 раз его соборовали, три раза над ним читали отходную, во время которой он и скончался. За неск <олько> минут до † ему положили пелену, снятую с изголовья с мощей преп <одобного> Сергия и он тихо, тихо заснул под ней.

Похоронили его в монастыре Черниговской Божьей Матери, рядом с К. Н. Леонтьевым.

Много, много чудесного открыла его кончина и его последние дни и даже похороны. Милость Божия была на нем. Последние дни я была непрестанно с ним и записывала все, что он мне говорил.

Мама очень плоха и слаба. Она просит кланяться Вам и Марии Павловне.

Уважающая Вас

Над <ежда> Розанова

Публикуется впервые по автографу: ЦГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, ед.хр. 191.

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — М. И. ЛУТОХИНУ

5—6 сентября 1918, Сергиев Посад

Глубокоуважаемый Михаил Иванович!

Спешу ответить на сегодня полученное письмо Ваше. О Вас <илии> Вас <ильевиче> сказать могу лишь очень немного, ибо иначе — надо говорить слишком много. Существо его — Богоборческое: он не приемлет ни страданий, ни греха, ни лишений, ни смерти, ему не надо искупления, не надо и воскресения, ибо тайная его мысль — вечно жить, и иначе он не воспринимает мира. Вас <илий> Вас <ильевич> есть такой шарик, который можете придавливать — он выскользнет, но который не войдет в состав целого мира: он сам по себе, *per se est*, или, по крайней мере, *potat se per se esse*. Это — стихия хаоса, мятущаяся, вечно-мятущаяся, не признающего никакой себе грани, — хаоса не понявшего и не умеющего понять своей конечности, своей условности, своей жалкости вне Бога. Бейте его — он съезжится, но стоит перестать его бить, он опять возметса за свое. И потому Вас <илия> Вас <ильевич> ча надо глотать целиком — если можете и хотите, и отбрасывать целиком, если не умеете и не желаете проглотить. Меня удивляет,

как это ни Вы, ни другие не видят непрерывности мыслей, настроений и высказываний В <асилия> В <асильевич> ча: право же, он говорит теперь то же (— в сущности дела —) то же именно, что говорил раньше. Спорить тут бесполезно, ибо В <асилий> В <асильевич> не умеет слушать, не умеет и спорить, но по-женски твердит свое, а если его прижать к стене, то негодует и злится, но конечно не сдастся. Если бы действовать на него не логически, а психологически, то он (— и это не было бы корыстно, расчетливо, а произошло бы само собою —) стал бы говорить иное, хотя и не по существу, а — по адресу. Например, если бы его приютил какой-либо монастырь, давал бы ему вволю махорки, сливок, сахару и пр. и пр., и главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, В <асилий> В <асильевич> с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений, чисто детских индукций *ab exemplo ad omnia* — все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т. д. И воистину, он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали, по проникновенности лирики. Правда, этот гимн, если бы внимательно вслушаться в него, оказался бы восхвалением христианства не за христианственность, а за некоторые нейтральные черты в нем, но он был бы сладостно действен, общественно (т. е. для дураков, кои не умеют разбираться в сути дела) более полезен, нежели все говоримые проповеди, вместе взятые. Но вот, приехал В <асилий> В <асильевич> в Посад. Его монастырь даже не заметил, — конечно! — в Посаде выпали на долю В <асилия> В <асильевич> ча все те бедствия, которые в гораздо большей степени в это же время выпали бы в СПб., в Москве и всюду. Наголодавшись и наголодавшись, не умея распорядиться ни деньгами, ни провизией, ни временем, этот зверек-хорек, что ли, или куничка, или ласка, душащая кур, но мящая себя львом и тигром, все свои бедствия отнес к вине Лавры, Церкви, христианства и т. д., включительно до И <исуса> Х <риста>. Почва была подготовлена: семейные истории В <асилия> В <асильевич> ча, уже давно намозолившие ему шею, подготовили его бешенство против консистории, Церкви, Христа. Кое-что в словах его, ложно выраженное, содержит правильное постижение хода мировой истории. Но все же, так это выражается, ложно, по основному направлению В <асилия> В <асильевич> ча, по его складу духа, не приемлющему никакого «нет», никакой задержки, никакого «должен», — стремящегося излиться как льется поток воды, и не переносящего ни малейшей препоны, на самое короткое время.

Ваш священник Павел Флоренский

Публикуется впервые.

Письмо написано после выхода первых выпусков «Апокалипсиса нашего времени». О реакции Флоренского на смерть В. В. Розанова см. его письмо М. В. Нестерову, опубликованное в статье П. В. Палиевского «Розанов и Флоренский» («Литературная учеба», 1989, № 1).

Публикация и комментарии Евг. Ивановой и Т. Померанской